

Разные судьбы, одна история

КНИГА 8

Вступление.....	3
От студентов-участников проекта.....	5
Анна Захаровна Клименко.....	7
Тамара Ильинична Бейзерова.....	15
Раиса Нисоновна Абрамовская.....	21
Вера Ивановна Фридман.....	31
Израил Хаймович Сойбелис.....	39
Анна Ефимовна Перельман.....	47
Юрий Григорьевич Штальман Надежда Исааковна Штальман.....	57

INTRODUCTION

The academic year 2018-2019 has marked the eighth anniversary of the project "Individual Lives, A Common Story."

The project is based on a partnership between Brandeis University and Hebrew Rehabilitation Center, and involves Brandeis students collecting oral histories of Russian-speaking elders. This experiential learning project is supported by professor Irina Dubinina, director of the Russian language program at Brandeis University. Throughout this academic year, two students and two community volunteers have come to HRC to hear life stories of eight senior participants, to learn from them about the life in the former USSR and the World War II, and sometimes simply to be companions to their elderly friends. Volume 8 features oral histories of these eight interviewees.

The following Brandeis students participated in the project: Rose O'Keefe-Hoeck'20 and Elise Shuba'21. In addition, the project benefited from the services of community volunteers Natalia Dubinina and the Fulbright Russian Language Teaching Assistant, Elizaveta Repina. The oral histories recorded by students and volunteers include tales of a pre-war

childhood, of adolescence during WWII, of Nazi bombings, of escaping the advancing Nazi armies, of evacuation from Moscow, of life in the besieged Leningrad, of hunger during the war and the first post-war years, of hard labor, of life's joys and challenges, of the births of children and grandchildren, of love and dedication to one's profession, and of emigration. A major theme that is visible in all the stories is the affect of the Great Patriotic War (the part of WWII fought largely on the Soviet territory) on the lives of the generation born in the 1920s and 30s. All interviewees in this book were children or adolescents at the start of the war, and their lives are marked by the destruction, dislocation and loss the war brought to Soviet citizens.

For students and volunteers, oral histories serve as illustrations to the dry historical facts they learned at school, but often these stories teach them something they were not even aware of before the start of the project. We are grateful to all participants of the project and hope that this collection of life stories will serve as a proof of the late Evgeny Evtushenko's words that "there are no uninteresting people in the world; the life of each individual is like a history of a planet."

The Oral Histories Project is carried out by students and faculty at Brandeis University. The publication of life stories is made possible by the Adam and Matan Adelson Multigenerational Program at Hebrew Rehabilitation Center in Roslindale, MA.

Hebrew
Rehabilitation Center
Hebrew SeniorLife

Brandeis University

HARVARD MEDICAL SCHOOL
AFFILIATE

От студентов-участников проекта

Роза О'Киф-Хоек

История- это не только то, что в учебниках. Личные истории людей - это большая часть Истории. Этот проект очень важен, потому что личные истории нужно помнить. Они редко рассказываются; обычно мы знаем только общую картину. Именно поэтому мне было чрезвычайно интересно участвовать в этом проекте.

Наталия Дубинина

Я очень благодарна Hebrew Center и университету им. Брендайс, за возможность участвовать в таком важном проекте. То, что можно узнать от людей, лично переживших те страшные времена, никогда не заменит ни один учебник.

Лиза Шуба

Имея русские корни, я начала изучать русский язык, чтобы лучше понимать его и не потерять связь с моими родственниками в России. Участие в проекте "Устные истории" стало для меня не только хорошей языковой практикой, но и погружением в историю родной страны и в индивидуальные истории интересных людей - участников проекта. Я считаю, что из этих историй, как из кирпичиков, строится наша история. Я благодарна за возможность услышать и помочь сохранить эти замечательные рассказы.

Елизавета Репина

Этот проект стал мне очень интересен, так как у меня уже был опыт работы с пожилыми людьми в качестве волонтера в России. У каждого героя проекта своя история и судьба, про каждого из них можно написать целую книгу. Слушая истории Леи и Израила, Юрия и Надежды, я как будто проживала вместе с ними их жизни: горе и радости их судеб. Знать и помнить истории людей старшего поколения, переживших войну и лишения ради будущих поколений, очень важно, ведь они составляют историю всего народа и наше наследие.

Анна Захаровна Клименко

Записала Лиза Шуба

Анна Захаровна родилась в Киеве 7 октября 1928 года. Ее мама, Галина Борисовна, родилась в 1899 году, была малообразованной (закончила только 4 класса), но доброй и спокойной женщиной. Она очень вкусно готовила, и у нее был любимый тост: «За мир наших семей во всем мире». Папу звали Захар Оскарович, он родился в 1897 году и до войны работал грузчиком в магазине товаров. У него было 3 родных брата и 3 сводных: их мама рано умерла, и отец женился на женщине, у которой были свои дети. Они были образованными людьми: один сводный брат был директором завода в Москве, а другой подполковником в НКВД. У семьи отца была маленькая мельница в Белой Церкви. Во время экспроприации частного имущества папу арестовали как владельца собственности, но мама Анны позвонила сводному брату отца в НКВД, и его освободили (хотя мельницу они, конечно, потеряли). В семье не соблюдали никаких еврей-

ских традиций, Анна помнит только советские праздники.

У Анны была старшая сестра Слава, которая родилась в 1924 году. Бабушка и дедушка с маминой стороны тоже жили в Киеве, недалеко от них. Они жили напротив здания НКВД и всегда над этим посмеивались. С ними семья Анны проводила все праздники. Бабушка хорошо пекла, и Анна с сестрой любили приходить к ним в гости. По праздникам бабушка всем внукам давала по рублю на конфеты. Бабушку и дедушку со стороны папы Анна не помнит, так как она не была близка с ними, тем более, что мама отца рано ушла из жизни, и у него была мачеха.

Анна с восторгом рассказывает о своем родном городе: «это удивительно красивый зеленый город, украшенный каштанами, с красивыми улицами». До войны семья жила на улице Малая Житомирская в коммунальной квартире, в которой у них было 9 соседей. В квартире была общая кухня и только одна плита, и когда пекли пироги, приходилось записываться в очередь. Случалось, что пекли пироги по ночам. Анна вспоминает, что жили очень дружно, не было скандалов, и если были какие-то ссоры, то их разрешали всей квартирой. Все праздники праздновали

вместе; в коридоре ставили столы и устраивали празднество.

В своем районе Киева Анна очень хорошо помнит магазин бубликов на Михайловской улице. Он был особенный тем, что в нем была стеклянная витрина, через которую можно было смотреть, как варятся бублики. Каждый бублик тогда стоил 10 коп. Ее посылали купить 10 бубликов на рубль, их связывали на веревочку, и она одевала это веревочку на шею, и так шла домой, по дороге обязательно съедая один бублик. Также она помнит красивый зеленый сквер, в котором зимой заливали каток, и все они катались на коньках. Летом там играли в прятки и прочие игры.

Бабушка Анны с внуками, Анна слева

Анна училась в школе, которая располагалась на главной улице города – на Крещатике. Она была хорошей ученицей, но считала себя хулиганкой. Самая любимая игра в детстве заключалась в следующем: Анна и один мальчик становились у открытого окна и кулаками толкали друг друга до тех пор, пока эти окна не разбивали. Тогда вызывали маму в школу, и родители платили и платили за эти окна. Из школьного довоенного детства Анна помнит следующий курьезный случай: в первом или втором классе, ребята решили купить учительнице на 8 марта коробочку конфет. Все сложились по 10 копеек и купили конфеты и флакон духов. Но когда они поздравили учительницу, она отказалась брать подарок. Тогда дети пошли к памятнику у вокзала Хмельницкого, открыли коробку и съели все конфеты, а духи отдали маме, которая покупала подарки.

Великая Отечественная война

В мае 1941-ого года Анне было 12 лет, и она только что закончила 6 класс. Родители отправили ее на каникулы в Москву, где жил один из родных братьев отца. В одно воскресенье дядя повел

Анну посмотреть на мавзолей Ленина, и когда они стояли в очереди, объявили о том, что Германия напала на Советский Союз и началась война. Родителей и сестру эвакуировали в Сталинград в июле 41-ого, а бабушка и дедушка остались в Киеве, потому что дедушка не верил в зверства фашистов. Он был участником Первой мировой войны и считал, что знает немцев: «Они цивилизованные люди, никого не убьют, и я никуда не уеду!» Бабушка с дедушкой погибли в оккупированном Киеве.

Родители Анны сообщили брату в Москве свой адрес в Сталинграде, и 12-летнюю Аню отправили к родителям. Она одна с большим чемоданом ехала долго со сложными пересадками, но по адресу наконец-то нашла своих.

Когда фронт приблизился к Сталинграду, семье пришлось опять эвакуироваться. Они примерно месяц добирались до Оханска (Пермская область, тогда Молотовская) на баржах вверх по Волге, а потом по реке Кама. Семью Анны взяли на квартиру местные жители и выделили им маленькую комнату. Анна помнит мужчину в этой семье, который кормил их вкусными шаньгами. С этой семьей они прожили 2 года. Папа работал в 7-ой Сталинградской спецшколе ВВС, эвакуированной из Нижнего

Чира, а мама – санитаркой в госпитале.

Когда освободили Сталинград, спецшкола вернулась в станицу Нижний Чир, и вместе со школой переехала и семья Анны. К тому времени Анна закончила 7 классов, а школы со старшими классами в станице не было. Она решила уехать одна в город Урюпинск, где было педучилище. Родители не могли помогать ей деньгами, и она жила на стипендию, а для этого нужно было хорошо учиться. На стипендию Анна могла купить на базаре ведро картошки. Она говорит, что всегда старалась выбрать ведро, в котором было 60 картошек, чтобы ей хватило по 2 картошки в день на месяц. Если в месяце был 31 день, тогда последний день ей нечего было есть.

В ту весну, когда Анна должна была окончить педучилище, освободили Киев, и она так обрадовалась, что бросила училище прямо перед весенними экзаменами и вернулась в родной город.

Возвращение в Киев

В Киеве Анна хотела поступить в пединститут, но не могла, потому что у нее с собой не было ни аттестата зрелости,

ни диплома об окончании училища (да она его еще и не закончила). Однако, она сдала экстерном экзамены за среднюю школу и тогда смогла поступить на филологический факультет Киевского педагогического института имени Максима Горького, где преподавали лучшие писатели и поэты Украины.

Город был разрушен войной, но многие здания сохранились. Анна помнит центр, который остался зеленым и достаточно застроенным. Родители с сестрой вернулись в Киев уже после окончания войны. Комнату в коммунальной квартире им не вернули, потому что там уже жили другие люди, и они поселились в соседнем доме в подвале.

Анна помнит 9 мая 1945 года: «Это было очень радостное событие; я даже сейчас помню, как мы ночью вышли на Владимирскую горку, и все танцевали и пели и радовались». Единственное, что ей не понравилось в праздновании Победы, это то, что на Крещатике повесили 5 немецких солдат или офицеров.

Сестра Слава работала машинисткой и через несколько лет после окончания войны получила хорошую квартиру от работы. Туда переехали и родители, но Анна уже жила в другом городе к тому времени.

Институт и профессиональная жизнь

В институте Анна проучилась 4 года. Время было голодное, и она помнит, как они с нетерпением ждали перерывов между лекциями, потому что тогда давали бесплатно кусок черного хлеба и кусочек колбаски. Анне очень нравилось учиться, и она училась на пятерки. В дипломе у нее тоже были пятерки по всем предметам, кроме одной тройки по истории СССР на первом курсе. Этот курс вел слепой преподаватель, а она была «ужасной болтуньей», сидела за первой партой и всем подсказывала; преподаватель запомнил и отомстил ей, поставив тройку.

Анна (средний ряд, по центру)
с коллегами

После окончания института ее направили в западную Украину в г. Дрогобыч. Первый год она была учителем (русский язык и литература), второй год была завучем, а на третий год стала директором. Анна была самым молодым директором школы, ей тогда было всего 23 года. Анна проработала в этой школе 9 лет и вспоминает, что там было интересно работать, потому что весь коллектив был молодой: они дружно работали и дружно жили, часто вместе ездили на автобусе в ресторан на курорт Трускавец в 11 км от Дрогобыча. Один раз папа приехал в гости проведать дочку, это был последний раз когда Анна его видела. Он умер в начале 1950-ых годов. Анна очень любила свою работу в Дрогобыче и ушла оттуда только потому, что вышла замуж и переехала во Львов.

Муж и дочь

Со своим будущим мужем, Георгием Николаевичем Клименко, Анна познакомилась в поезде. Она ехала в Киев в гости к сестре и маме, а поезд шел через Львов, где Георгий жил и работал. Он ехал домой к родственникам. Поезд останавливался во Львове ночью, Анна уже спала, и Георгий, заходя в купе, разбудил ее «своими тяжелыми сапогами».

Она раздраженно сделала ему замечание, а утром он пригласил ее в вагон-ресторан позавтракать. Она не отказалась, и так они подъехали к Киеву. Они попрощались, и Анна даже не думала о каком-то продолжении этого знакомства. На вокзале ее встречала сестра, они взяли такси, и тут Георгий остановил машину и подсел к ним. Сначала таксист отвез домой девушек, они опять попрощались с Георгием. Вечером Анна, выглянув в окно, увидела, что он стоит возле дома. Она вышла к нему, и он ей сказал: «Я взял билеты в театр». И так продолжились их отношения.

Георгий, муж Анны

Георгий Николаевич русский по матери и украинец по отцу родился в 1929-ом году. Когда началась война, ему было 11 лет. У него было две сестры и брат. Во время войны он с матерью был угнан немцами в Германию и смог вернуться на Родину только после освобождения Красной Армией. Остальные члены семьи пережили оккупацию. После войны Георгий окончил военное училище и стал офицером. Затем поступил во Львовский политехнический институт и работал радиоинженером в области космической связи. По словам Анны, он не разбирался в литературе или искусстве, но в своем деле техники был асом. Георгий часто ездил командировки на Байконур, где устанавливал радиотехнику.

Анна вспоминает, что они жили очень дружно. Хотя у мужа был «крутой» характер, она сама человек неконфликтный, поэтому жили они хорошо. После свадьбы они поселились во Львове, семья Георгия очень хорошо ее приняла, и с одной из его сестер они очень дружили.

Во Львове Анна вначале работала завучем в школе, а потом директором вечерней школы. В 1957 году в семье родилась дочка Нина; Анне приходилось работать по вечерам, и из садика ее забирал Георгий. Когда Анна приходила

домой, Нина уже спала, и Анна опять пошла на работу завучем в дневной школе. Нина выросла, получила техническое образование, вышла замуж, у нее тоже родилась дочка.

Каждое лето на каникулы семья приезжала к сестре Анны в Киев. Слава долго не выходила замуж: «Она была очень красивая и выбирала между женихами, пока выбирала, осталась одна». Ей было уже 53 года, когда она наконец вышла замуж за вдовца, у которого было два взрослых сына.

Во Львове Анне нравилось: и город красивый, и работу она любила, и в семейной жизни у нее все было в порядке. В этом городе Анна прожила 44 года до эмиграции.

Эмиграция

Анна говорит, что не помнит случаев антисемитизма за всю жизнь в Украине. Эмигрировать она не хотела, но согласилась на уговоры дочери, что это нужно сделать ради внучки. К тому времени в Америку эмигрировала старшая сестра Слава со своим мужем. Именно она вызвала к себе Анну и ее семью. За три дня до отъезда скончался Георгий, поэтому в эмиграцию Анна уезжала одна с семьей дочери.

Анна Захаровна

Они приехали в Бостон в 1989-ом году. Только одна Анна в семье не знала английский язык, потому что и в школе, и в институте она учила немецкий. Но она сразу же пошла на курсы, научилась говорить и писать и неплохо понимала. Когда ей исполнилось 80 лет, память стала ее подводить, и теперь она только догадывается, когда с ней разговаривают по-английски. Из-за этого она чувствует себя неуютно.

После переезда в Америку жизнь Анны полностью изменилась: там она чувствовала себя «человеком», привыкла командовать, руководить, а здесь она «никто, и выполняет волю других людей». Во Львове у нее было много друзей и знакомых, она поддерживала отношения со многими выпускниками вечерней

школы, когда работала там директором. В Америке у нее немного знакомых, и она считает, что с другими эмигрантами у нее нет общих интересов. Сейчас Анна уже никому не рассказывает про то, кем она была в Украине. Она считает, что в Украине она жила бы лучше, но учитывая то, что там сейчас происходит, все-таки хорошо, что ее там нет. Если бы ей дали сейчас возможность уехать обратно, она бы отказалась.

В принципе, ей нравится Америка, ей не нравится только ее «положение в Америке». Она ценит определенные свободы, которых у людей не было в Украине, и ответственность людей.

О счастье, об СССР, о культуре

Своими самыми счастливыми годами жизни Анна считает годы учебы в пединституте. Она любила учиться. А самое важное для нее - здоровье дочери.

О Советском Союзе она говорит так: «Сейчас все привыкли его ругать, но в то время мы были молодые, а в молодости все хорошо... много друзей, любовь, и вообще все более счастливые. Лично мне было хорошо в СССР, но

если рассуждать с точки зрения государства, то все-таки не очень хорошо».

Анна Захаровна очень любит литературу, особенно классическую, она всегда много читала. Ее любимые поэты – Евтушенко, Вознесенский, Тютчев и Фет. Современная литература ее не очень интересует. В Киеве и Львове она часто ходила в театры и в оперу, но в эмиграции этого удовольствия уже не получала, так как ей не хватает знаний английского. Анна Захаровна считает, что сохранять русскую культуру и язык важно, но понимает, что это сложно.

Анна Захаровна и Лиза, 2019

Тамара Ильинична Бейзерова

Записала Роза О'Киф-Хоек

Тамара родилась в 1931-ом году в Москве и до переезда в США практически всю жизнь провела в родном городе. Мама Тамары, Нина Борисовна Ушеренко, родилась в Чернобыле, но выросла в Днепропетровске (до 1926 года Екатеринослав), в Украине. Папа, Илья Михайлович Эткин, был родом из Риги и в начале 20-х годов был активным участником и одним из организаторов комсомольской организации Латвии. Родители познакомились в Москве. Многие из земляков Ильи Михайловича тоже поселились в Москве; таким образом, образовалось целое латышско-еврейское землячество, членов которого связывали крепкие узы дружбы. Одной из лучших подруг Тамары была дочка друзей ее отца, тоже приехавших из Риги. Мама Тамары работала портнихой. Своего отца Тамара, к сожалению, плохо помнит. Она знает, что он имел руководящую должность (занимался снабжением на мебельной фабрике в Москве) и умер до

войны. Как рассказал нам сын Тамары, Илья Михайлович был арестован в 1938 году и расстрелян, но официальную информацию об обстоятельствах его гибели Тамара и ее родственники получили только 50 лет спустя, в 1989 году.

Кроме Тамары, в семье было еще двое детей: сестра Светлана, младше Тамары на 6 лет, и брат Феликс, на 5 лет старше. На лето детей отправляли в Днепрпетровск к родственникам мамы «на солнце и фрукты».

Великая Отечественная война

Тамаре было 10 лет, когда началась война, и ее семью, как и многие другие семьи с маленькими детьми, эвакуировали из Москвы в начале осени 1941 года. До эвакуации Тамара пережила бомбежки Москвы летом 1941-ого: она помнит затемнение на окнах и разрушенные здания. Их семья два года прожила в Ленинабаде (сейчас Худжанд) в Таджикской республике. Всех эвакуированных расселили по квартирам и общежитиям. Тамара не помнит, где они жили в Ленинабаде, но вспоминает, что таджики приняли эвакуированных очень тепло и «с уважением», как она считает, именно потому, что они были

Родители Тамары Ильиничны

москвичами. Мама и старший брат, которому было 15 лет, сразу пошли работать на Ленинабадский шелковый комбинат. Хотя этот завод занимался производством шелка, вся продукция шла на фронт. Все, и дети, и взрослые, слушали сводки новостей с фронта каждый день – утром и вечером. Тамара вспоминает, что еды было мало, даже в солнечном и плодородном Таджикистане. На продукты были карточки, которые выдавались рабочим и их семьям. Она помнит, что сахар ели только по праздникам. Из-за хаоса военного времени и эвакуации Феликсу и Тамаре пришлось на некоторое время пропустить занятия в школе, но они вскоре начали учиться опять (Феликс при этом одновременно работал на шелкокомбинате), а младшая Света пошла в детский сад. В Ленинабаде, в основном, говорили по-таджик-

ски, но уже тогда были таджикские и русские школы, и Тамара и Феликс учились в русской школе. Никого из учителей она особо не запомнила, потому что они часто менялись. Например, она помнит одного учителя, который только начал вести литературу, но вскоре его забрали на фронт, и пришла какая-то новая учительница.

Учеба и профессиональная жизнь

В Ленинабаде семья прожила примерно два года и вернулась в Москву. Тамара вернулась в свою школу, где у нее было много друзей. У нее остались самые приятные, теплые воспоминания от школы. Она до сих пор поддерживает отношения с подругами со школы, они созваниваются, посылают открытки друг другу с поздравлениями.

Тамара очень любила учиться и особенно любила литературу. Она всегда много читала, увлекалась русской литературой, поэтому вопрос о том, куда поступать, не был сложным. Ей никогда не нравилась медицина, в технике она не разбиралась, а работа учителем ее привлекала тем, что можно было учить

детей любить литературу. Тамара вспоминает, что поступать было очень сложно, и не только потому, что был большой конкурс, но и потому, что в конце 40-ых годов развернулась кампания борьбы с космополитизмом, и ей как еврейке было невозможно поступить на факультет русского языка и литературы. Тем не менее, благодаря своему труду и упор-

Тамара Ильинична

ству, в 1948-ом году Тамара поступила в Московский государственный заочный педагогический институт на вечернее отделение: «Я пошла в педагогический не потому, что больше некуда была поступить. Наоборот, это было престижно, и мне пришлось много работать». Посещая лекции в вечернее время, она устроилась на работу в школу. Сначала она была пионервожатой, потом ей стали поручать вести занятия. Закончив институт, она пошла работать в школу на полную ставку, где она преподавала русскую литературу детям с 5 по 10 класс. Тамара проработала учительницей 36 лет, начав свой педагогический путь 19-летней девушкой. Ей трудно разделить преподавание русского языка и литературы: «они ведь взаимосвязаны». Ей нравились оба предмета, она с удовольствием преподавала их, несмотря на то, что «всю жизнь сидела с тетрадками». Даже после выхода на пенсию и ухода из школы Тамара продолжала работать – она еще 5 лет была смотрительницей в Третьяковской галерее.

Брат и сестра

Брат Феликс, окончив школу с золотой медалью еще во время войны, поступил в Московское высшее техническое учи-

Тамара, Светлана и Феликс

лище им. Баумана до того, как началась антисемитская кампания. Он проработал всю жизнь инженером. У него один сын, Андрей, который теперь живет в США.

Младшая сестра Тамары, Светлана, окончила Музыкальное училище им. Гнесиных и начала работать учителем по классу скрипки в музыкальной школе в городе Новомосковск. Там она познакомилась со своим будущим мужем, который ребенком был эвакуирован из родной Испании в СССР в 30-ых годах во время Гражданской войны в Испании. Светлана переехала в Испанию в 1966 году с мужем и сыном Ильей. Там родилась дочь Анна-Мария. Светлана часто приезжала в Москву и также навещала Тамару в США после эмиграции семьи Бейзеровых. Тамара и ее дети тоже были в гостях у родственников в Испании.

Семья: муж, дети, внуки, правнуки

Еще учась в институте, в 1952 году Тамара вышла замуж за Семена Моисеевича Бейзерова. После войны Семен приехал в командировку из Днепропетровска в Москву и зашел к маме Тамары, чтобы передать привет от своих родителей, с которыми она была знакома.

Семен родился в 1926-ом году, в 1941-ом ему было 15 лет, и на фронт его не призывали, а их семью эвакуировали из Днепропетровска. В эвакуации он поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), по окончании которого работал инженером, затем научным сотрудником, заведующим лабораторией во Всесоюзном институте легких

Тамара с мужем

сплавов. В 1981-ом году Семен Моисеевич скончался.

Тамара с мужем и его родителями

У Семена и Тамары двое детей: сын Михаил и дочь Елена (Алена). Оба пошли по стопам отца: закончили МИИТ. До эмиграции Елена работала инженером-программистом, а Михаил был научным работником в одном из московских НИИ. Сейчас оба работают программистами: Михаил в Массачусетсе, а Елена в Лас-Вегасе. У Тамары есть внуки (и у Михаила, и у Елены по трое детей) и правнуки: два мальчика и одна девочка.

Эмиграция

Тамара никогда и не предполагала, что куда-нибудь уедет из Москвы, а тем более, что уедет навсегда в Америку. Она мало что знала о стране до эмиграции. Вопрос об эмиграции встал в конце 80-ых годов, когда «все «поднялись» и пытались уехать». Тамара не занималась процессом оформления необходимых разрешений и виз, всем заведовали дети, поэтому она не помнит никаких сложностей с отъездом, кроме обыкновенных и нелегких решений о том, что взять с собой и как попрощаться с друзьями и родными. Документы были оформлены в 1991 году, и Тамара с сыном, его женой и дочерью выехали в США. Как раз когда они были в аэропорту, было объявлено о роспуске Советского Союза.

Сначала семья приехала в Индиану, поскольку спонсором их иммиграции выступила еврейская община Индианаполиса. Через полтора месяца приехала дочь Елена со своей семьей, а затем к своему сыну, жившему в Нью-Гэмпшире, приехал и брат Тамары, Феликс. К сожалению, через несколько месяцев после эмиграции Феликс скончался.

С 1998 года Михаил, сын Тамары, живет в окрестностях Бостона, в 2011 году сюда же переехала и Тамара. В Бостоне Тама-

ра старалась изучать английский язык, ходила на курсы, продолжала много читать по-русски. Она до сих пор знает наизусть отрывки из многих стихотворений и с удовольствием читает их вслух.

Совет молодому поколению

«Во всех случаях надо работать! А работа должна приносить удовольствие. Нужно любить то, что ты делаешь».

Тамара Ильинична и Роза, 2019

Раиса Нисоновна Абрамовская

Записала Наталия Дубинина

Раиса Нисоновна Гутман родилась 25 ноября 1929 года в городе Калинковичи Гомельской области Белоруссии. В то время это был небольшой белорусский город, где проживало меньше 10 000 человек. На улицах города говорили по-русски, по-белорусски и на идише, потому что город (местечко) до революции находился в черте оседлости и в нем проживало много евреев. По воспоминаниям Раисы, до войны все жили дружно.

Родители Раисы родились в деревне Ситня в 4 км от Калинковичей, их семьи были соседями. Маму Раисы звали Елизавета Лейбовна Гинзбург. В семье ее звали Лея. Она родилась в 1905 году и была одной из 10 детей в семье (трое сестер, включая Лею, и семеро братьев). Семья переехала в Калинковичи, где отец Лизы открыл свою сапожную мастерскую. Папа, Нисон Шоломович Гутман (или Нисел, как его звали в семье), родился в 1895 году, он участвовал в

Первой мировой войне, был ранен и попал в плен в Польше. Когда война закончилась, его освободили из плена, и он вернулся домой. В этот год в России произошла революция, и чтобы разобраться, что к чему, Нисон поехал в Петроград, где видел и слышал одно из выступлений Ленина, за что впоследствии пользовался большим уважением своих земляков в советское время. Еще в плену он заболел цингой и остался без зубов. После возвращения из плена Нисон устроился работать в сапожную мастерскую отца Леи. По рассказам Раисы, мама была очень красивой, доброй и отзывчивой. К тому же, она была старшей дочерью в семье, и Нисон посватался к ней. Когда они поженились, ему было 30 лет, а Лее - 20. Отец Раисы работал в сапожной мастерской, а мама вела хозяйство: у семьи были дом и корова.

Раиса плохо помнит бабушку и дедушку со стороны отца - они рано умерли, - но знает, что ее папа был в семье долгожданным сыном, до него были только одни девочки. Он воспитывался в соответствии с еврейскими религиозными традициями и всю жизнь старался им следовать, несмотря на запреты в советское время. Они с тестем (вторым дедушкой Раисы) тайком ходили на празднования Песаха и других еврей-

ских праздников к кому-то на квартиру. Синагогу к тому времени закрыли и здание использовали в других целях. Нисон знал иврит и мог читать Тору, что он и делал каждую субботу, но дома они с женой говорили с детьми на русском и реже на идише. Раиса раньше могла немного говорить на идиш и хорошо воспринимала язык на слух, но никогда не училась читать или писать на этом языке, потому что к тому времени, когда она достигла школьного возраста, еврейские школы закрыли. Однако, позднее, с мужем и его родителями Раиса иногда общалась на идише. Она помнит все советские праздники, а ее любимым был Новый год, потому что дедушка приносил детям подарочки.

Нисон, папа Раисы

Кроме Раисы в семье было еще двое детей: брат Давид (Додик), на 3 года старше Раисы, и сестра София (Соня), на 3 года ее младше. В 1939-ом году в семье появился еще один ребенок, приемный мальчик по имени Август Гулевич. Когда Польшу оккупировали немцы, и волна беженцев рванула на восток, многие дети потеряли родителей. Папа Раисы взял Августа к ним в семью. Когда немцы напали на Советский Союз, Августа призвали в Красную Армию, потому что к тому времени ему уже исполнилось 18 лет. Раиса вспоминает, что он был им как родной. Он прошел всю войну и после их возвращения из эвакуации в Калинковичи, заезжал к ним, но после окончания войны они его больше не видели и ничего о нем не знают.

В школе Раиса училась по-русски с первого класса, хотя хорошо говорила и на белорусском. Ей очень нравилось учиться, а любимым предметом была математика. Раиса вспоминает, что у них был очень дружный класс, но ее лучшей подругой была ее двоюродная сестра, которую тоже звали Рая Гутман (их отцы были родными братьями).

«До войны мы жили хорошо, хоть и бедно, но мы не знали другой жизни, главное - сытые были».

Великая Отечественная война

Раисе было 11 лет, когда началась война. Она помнит, что по радио было объявление и что все плакали, но говорит, что тогда до конца не понимала, почему все так расстраиваются. Практически сразу же началась эвакуация. Папу Раисы на фронт не взяли из-за ранений в Первой мировой, но сначала велели остаться в городе на случай, если понадобится рыть окопы. Нисел отвез жену и детей с вещами на железнодорожную станцию в 3 км от дома, где они должны были ждать эшелона на восток. Раиса с собой в эвакуацию взяла то, что она считала самым ценным: почетные грамоты за хорошую учебу. Раиса вспоминает, что народу на вокзале было очень много, мест в поездах не хватало, и они никак не могли уехать. Так прошли целые сутки, и Раиса вызвалась сходить домой. 11-летняя девочка пешком прошла расстояние в 3 км, каким-то образом запомнив дорогу. Дом был закрыт, и она села на крыльце ждать папу. Мимо проходил какой-то крестьянин, и Раиса предложила ему купить их корову. Она повела его в сарай показать корову, а там папа только что закончил ее доить. Крестьянин, увидев полное ведро свежего молока, решил, что корова стоящая, и купил ее.

Отец не решился отпускать дочь одну назад, да еще и с деньгами, и повел ее на станцию сам. Уже было известно, что немцы подходят очень близко, и папа решился уехать с семьей. Потом он говорил Рае, что она его спасла - ведь в Калининвичах его ждала бы неминуемая смерть в гетто.

Семье удалось в полном составе сесть в эшелон, но путь был трудным. Они ехали иногда в теплушках, а иногда в открытых вагонах под дождем и градом, но страшнее всего были постоянные бомбежки и обстрелы с немецких самолетов. Раиса вспоминает, что их бомбили на каждой станции, что многие были убиты и ранены, что они прятались в лесу, пережидая обстрелы. Они не знали, куда их везут, главной целью было уехать подальше на восток.

Они ехали очень долго, возможно, неделю или больше, часто останавливались на станциях. Под конец пути стало особенно тяжело, потому что запасы еды закончились, денег у них не было, и они сильно голодали. Наконец, они приехали в Пензу, и их направили в маленькую деревню Бибиково в Пензенской области. В деревне им дали маленькую комнатку в доме, где жили пожилая женщина с больной дочкой. Зима была суровой, поэтому в дом также заводили

корову. Так они прожили первую зиму, а потом им дали маленький домик, все хозяева которого погибли.

Раиса вспоминает страшный голод. Это то, что вообще запомнилось ей из детства. Еды не было, они собирали какую-то траву, сушили ее, делали какие-то пирожки из нее. В первую зиму было особенно тяжело. Мыться было негде, на всю деревню был один колодец, но и он замерз. Они все переболели гриппом и тифом. «Не дай бог кому такое пережить... не люблю говорить об этом».

В этой деревне умерла мама Раисы в возрасте 37 лет. Она заболела еще по дороге в эвакуацию, а так как в деревне не было никакой медицинской помощи, маму не смогли спасти. Папа, как мог, заменял детям маму, но он работал целыми днями где-то недалеко от деревни, и хотя его часто отпускали домой, сестры были одни целыми днями, и Раиса оставалась хозяйкой в доме.

Не только отец, но и старший брат Додик, которому уже исполнилось 14 лет, работали на трудовом фронте где-то рядом с Бибиково, а линия фронта проходила совсем рядом. Отец и брат Додик иногда приносили домой свой паек, что хоть как-то поддерживало их семью.

В деревне была только начальная школа, поэтому Раиса проучилась еще раз в четвертом классе и пропустила два следующих года учебы. Ее школьные грамоты в эвакуации негодились.

Все семеро братьев мамы Раисы ушли на фронт. Двое погибли, но пятеро вернулись с войны. Погиб на фронте и один из двоюродных братьев Раисы. Одного из дядей Раиса видела зимой в 1941-ом или 42-ом году, когда мама была еще жива. Через Бибиково шли войска на фронт, и у мамы было предчувствие, что один из ее семерых

Ляя, мама Раисы

братьев и двоих племянников может быть в этих частях. Она стояла на окраине деревни, высматривая в войсках своих братьев. Раиса вспоминает, что ей было очень трудно стоять, потому что она уже болела и очень ослабла, поэтому вместо себя она поставила на этот пост Раю. И действительно один из братьев мамы, Иосиф, был в проходивших через деревню войсках. Он узнал Раю в девочке, стоящей у дороги! Он смог отпроситься у командира переночевать с семьей сестры. Так мама смогла повидаться с одним из своих братьев. Он подарил семье кусок мыла: «это было такое счастье!» Уходя утром, он взял адрес и обещал сообщать о себе, но погиб на войне... А мама умерла 18 июня 1942 года.

По счастью, никто из родных Раисы не остался на оккупированной территории. Дедушка с бабушкой с маминой стороны сначала не хотели уезжать, но потом в последний момент за ними приехал сын, один из братьев мамы, и увез их в эвакуацию.

Возвращение на родину

Раиса с папой, братом и сестрой вернулись в родные Калинковичи в 1944 году, когда освободили Белоруссию. Когда

они подъезжали к Белоруссии, опять попали под бомбежку: фронт был близко, и немцам еще удавалось бомбить поезда.

Город был абсолютно разрушен, не хватало жилья, еды. Пришлось все восстанавливать или строить заново. Их дом не был разрушен, но в нем уже жили другие люди (работник военкомата). Сначала семья снимала квартиру, и только через несколько лет они смогли купить свой домик без удобств, в котором было только две комнаты и кухня. Чтобы заработать денег на этот дом, отец шил обувь, а Рая с братом Додиком ходили пешком на рынок в Мозырь, продавать эту обувь.

Раиса пошла в школу в 5-ый класс в возрасте 14 лет, ведь она пропустила 2 года школы в эвакуации. 9 мая в 4 утра к ней прибежала подружка-одноклассница, у которой отец работал в исполкоме, с радостной вестью, что война закончилась. «Мы так обрадовались и побежали к классному руководителю. И этот день был нерабочим, и занятий в школе не было, и все устроили праздник, кто что мог, тот то и принес. Но это был самый радостный день - день Победы!»

Вернувшись из эвакуации, Раиса закон-

чила семилетку, потом перешла в другую школу, чтобы закончить старшие классы. Ей нравилось учиться и помогать другим детям. Она очень хотела быть врачом и «о другой жизни, кроме жизни врача, и не мечтала». Но отец ей сказал, что она может учиться, где угодно, но не дальше Мозыря, а в Мозыре был только учительский институт, который открыли в 1944 году. В 1950 году она и поступила в этот институт, выбрав специальность учителя физики и математики, и не пожалела. От Калинковичей до Мозыря 10 километров, но автобусов тогда не было, поэтому Раиса на выходные ходила домой пешком: «не каждую неделю ходила, да и обуви особенно не было; мне из дома что-нибудь давали из еды на неделю, надо было ходить». Из первых послевоенных лет Раиса помнит все тот же голод и бедность.

Сестра пошла работать и стала бухгалтером, а брат железнодорожником, но в институтах они не учились, потому что куда-то отправить детей у семьи не было возможности, тем более, что папа женился во второй раз на женщине с ребенком (сводный брат Фима), и потом у них родилось еще двое детей - Элла и Борис.

Профессиональная ЖИЗНЬ

После окончания института в 1952 году Раису направили на работу в город Полоцк Витебской области учителем физики и математики для средних классов. У нее также было классное руководство, за него платили дополнительно 10 рублей в месяц. Хотя зарплата позволяла лишь скромную жизнь, все же жить стало легче: «жили очень скромно, но были сытые». С первой зарплаты она купила себе часы: «потому что у меня же уроки, и надо смотреть на часы». Ученики у нее были разные, в одном классе могли сидеть дети и подростки и достаточно взрослые молодые люди. После войны в школе было много переростков, т.е. детей, которые пропустили годы учебы за время войны.

Позднее Раиса закончила Великолукский педагогический институт, где училась заочно с 1966 по 1969 год, и получила право преподавать математику в старших классах. Раиса не хотела быть ни завучем, ни директором, и всю жизнь была «простой учительницей». У нее есть награда «Ударник коммунистического труда», ученики ее любили, и она работала с любовью. Даже после того, как она вышла на

Раиса Нисоновна с учениками

продолжала учить детей, в качестве репетитора по математике.

Муж и семья

Раиса познакомилась со своим будущим мужем, Борисом Семеновичем Абрамовским, в 1953-ем году на танцах в Полоцке в окружном Доме офицеров. Он родился 26 марта 1926 года, и когда началась война, ему было 15 лет. Он тоже был в эвакуации на среднем Урале; там он сначала работал на шахте, а затем на военном заводе слесарем. После войны семья вернулась в Полоцк, и Борис продолжил работать, но также пошел в вечернюю школу, чтобы получить среднее образование, т.к. до войны он успел закончить только 6 классов. Он помогал своим родителями и сестре с 2 детьми, которая осталась без мужа. С 1955 по 1959

он учился во Всесоюзном заочном энергетическом техникуме в Минске.

Раиса очень тепло говорит о муже: «он был очень спокойным и добрым человеком; я никогда не жалела, что я за него вышла, он меня ценил, уважал и детей любил». Она вышла замуж, когда ей было 24 года, по тем меркам это уже считалось поздно. Папа был доволен ее выбором, но свадеб тогда не делали, «все еще бедные были: просто собрались родственники и приготовили любимые блюда».

После свадьбы молодожены поселились у родителей мужа, потом Раисе от работы дали комнату в коммунальной квартире, а когда родились дети, мужу дали двухкомнатную квартиру. У Раисы и Бориса две дочери – Лиза (1955) и

Раиса с мужем и дочкой Лизой

Марина (1960). Обе дочери были хорошими ученицами («раз мама учительница»). Старшая закончила музыкальную школу по классу виолончели и с отличием - музыкальное училище, а потом закончила и консерваторию в Минске и вышла замуж. Она до сих пор живет там. Младшая, Марина, училась в физико-математическом классе и по окончании школы поступила в Политехнический институт в Ленинграде, там осталась работать, вышла замуж. Недавно она эмигрировала в США.

Раиса и Борис переехали жить в Минск в 1988 году, после выхода на пенсию. Раиса активно участвовала в жизни еврейской общины Минска, в рамках программы «Теплый дом», по субботам они с мужем устраивали посиделки у себя дома для своих новых друзей, таких же пенсионеров, как и они.

У Раисы и Бориса три внука и уже есть правнуки: у старшей дочери Лизы один сын, а у младшей Марины - два сына. Все внуки и правнуки живут в США.

Антисемитизм

Раиса вспоминает, что до войны и сразу после войны в Белоруссии все жили дружно: в школьные годы и во время

учебы в институте она не испытывала сложностей, но когда начала работать, что-то поменялось, она почувствовала, что к ней относятся не так, как к другим. «Вроде, ты лучше работаешь, а тебе ни премий, ни похвалы не дадут». При этом Раиса уточняет: «конечно, всякое было, и плохие, и хорошие люди встречались».

Эмиграция

Раиса Нисоновна и Борис Семенович эмигрировали в 2000 году по вызову сестры Сони, а она, в свою очередь, приехала по приглашению младшего брата Бориса (сына от второй жены отца), который первый в семье уехал из Белоруссии в США. Потом Раиса с мужем пригласили дочерей с их семьями. Процесс эмиграции детей и внуков натолкнулся на неожиданные препятствия после теракта 11 сентября, пришлось долго ждать, искать спонсоров для визы, и тут очень помог Исаак Гинзбург, двоюродный брат Раисы, который жил тогда в Нью-Йорке (сейчас он живет в Нью-Джерси). Его мать с детьми была с семьей Раисы в эвакуации, и Исаак родился в 1941 году в Бибиково.

На вопрос, почему уехали, Раиса отвечает просто: «все ехали, и мы поехали,

Дочери и внуки провожают Бориса и Раису

хотя, конечно, все-таки уезжали ради детей». Она с легкостью приняла это решение («я такая рисковая!»), но муж не хотел ехать. В Бостоне им было нелегко найти квартиру, были сложности с деньгами, Борис уже хотел возвращаться обратно, но помогла синагога в Молдене. Благодаря раввину, они нашли подходящую квартиру.

Самым тяжелым в эмиграции было то, что дети и внуки не смогли сразу приехать вместе с родителями. Раиса сильно скучала. К тому же, они не знали языка, а строить новую жизнь без возможности общения трудно. Больше всего поразила «одноэтажная Америка», сам уклад

жизни. Раиса очень благодарна центру «Хибру-рехаб» за заботу, внимание и уход.

Борис Семенович скончался 21 июня 2010 года. Все правнуки родились в США, но дома поддерживают русский язык и культуру. Для Раисы важно, чтобы внуки могли общаться с ней, а для этого нужен русский язык.

О счастье, о Родине, о семье

Своими самыми счастливыми моментами жизни Раиса считает рождение детей, внуков и правнуков. Самым трудным периодом жизни для нее является война, которая оборвала детство. Когда ее спрашивают, что она помнит о детстве, она отвечает: «Войну». До войны Раиса помнит школу: «В школе я любила учиться только на отлично; когда была четверка, я плакала». Также вспоминается, «как помогала маме, как мы яблоки собирали в нашем садике». Вообще, Раиса помнит «мало хорошего, голод, тяжело было... после войны никакого хозяйства у нас не было, не на что было купить еду, все было по карточкам». О том, что такое для нее родина, она говорит: «Конечно, скучаешь по тем местам, где вырос и учился,

родина всегда запоминается. Было трудно, но мы не знали, как лучше живут. Это сейчас мы уже знаем, как жить, а тогда - был хлеб, и были счастливы». Раису не тянет в родные места, «потому что все, что пережито, страшно».

Больше всего в своей жизни Раиса Нисоновна гордится своими детьми и внуками. Ей бы очень хотелось, чтобы ее правнуки получили хорошее образование и чтобы все ее дети, внуки и правнуки были счастливы: «ведь их счастье – это мое счастье».

Раиса Нисоновна и Наталья, 2019

Вера Ивановна Фридман

Записала Лиза Шуба

Вера Ивановна Фридман (девичья фамилия Вяткина) родилась в 1925 в поселке Сысерть Свердловской области. Отец Веры, Иван Захарович Плотников, был родом из села Щелкун Сысертского района Свердловской области. Он занимался разведением скота, и у него были скотный двор, колбасная фабрика, и 4 наемных рабочих. Он закупал по 100 голов скота в Казахстане, откармливал и продавал их. Отец часто был в разъездах, ездил туда, где мог торговать. Год и место рождения отца Вера Ивановна не знает, но он был намного старше ее матери. Его первая жена умерла, у него было 4 детей от этого брака. Они были против того, чтобы он женился на молодой, т.к. боялись, что потеряют состояние; и только одна дочь от первого брака – Даша – дружила с Вериной мамой, потому что они были примерно одного возраста. Наверное, Ивану Захаровичу было за 40 лет, когда он женился на Вериной маме. В 1931 его фабрику национализировали.

Кроме того, у отца была два дома, которые тоже отобрали: из одного сделали сельсовет, а в другом устроили библиотеку. После экспроприации имущества отец бросил скотоводство, уехал в Новосибирск один, без семьи, и работал там в столовой главным бухгалтером.

Мама, Таисия Вяткина, родилась в 1899 в Сысерти. Ее отец занимался сбором утильсырья, которое обменивал в Свердловске на мыло и крупу. В Сысерти у него была лавка, где он продавал эту продукцию. Одно время дела его шли успешно, и он даже нанял людей, которые построили дом и лавку. Но дедушка умер еще до рождения Веры, лавка перестала приносить доходы, и ее продали, а потом продали и половину построенного дедушкой дома.

Кроме Таисии в семье было еще двое дочерей - Катя и Шура - и двое сыновей - Костя (он работал на монетном заводе в Свердловске, его фотография была на доске почета) и Петя (погиб во время Гражданской войны, за него семья получала пенсию).

В Сысерти было мало молодежи, т.к. многие юноши погибли в Гражданскую войну, поэтому Таисия вышла замуж позже, чем было принято в те годы, и вышла замуж за вдовца намного старше

ее. В 26 лет она родила Веру. Она не получила образования и работала на разных работах: и рассыльной, и уборщицей. В какой-то период она изготавливала мороженое дома и продавала его. Этим она зарабатывала на жизнь до 1932. Зарабатывала она мало, и на жизнь не хватало.

Вера хорошо помнит свою бабушку, маму мамы. Она была намного моложе дедушки (ей было 14, а ему 30, когда он посватался), но она быстро состарилась и умерла на 56 году жизни. Жизнь Веринной мамы тоже была тяжелой, она видела мало счастья, по мнению Веры. Таисия Вяткина умерла в 1980 на 82 году жизни.

Родители Веры развелись, когда ей было 4,5 года, еще до того, как у отца отобрали имущество. Вера считает, что они разошлись потому, что были слишком разными: большая разница в возрасте, разное мировоззрение, разные сословия - мама была из бедной и революционной семьи, а папа был «богач». Отец должен был ежемесячно платить маме по 10 рублей за дочь после развода, но не платил. Когда Вере было 12-13 лет, она пыталась писать отцу, что нуждается в деньгах на жизнь, но ответа не было, и она решилась поехать к нему в Новосибирск, когда разузнала его адрес. Там

она познакомилась с тремя девушками, которые снимали комнату у отца. Когда те узнали, что отец «богач», но Вере ничего не платит, решили ей помочь и отвели в райком комсомола. Девушки помогли ей объяснить, что происходит и помогли потом добраться обратно домой в Сысерть. Папу привезли в Сысерть на суд и дали срок. У него было полдома в Новосибирске, этот дом конфисковали, продали и выплатили Вере то, что он ей был должен (полторы тысячи рублей). Когда началась Великая Отечественная война, отец пошел добровольцем воевать в штрафбат и погиб на фронте.

Из детства Вера помнит пожар, в котором чуть не сгорел их дом, и голод. Еды постоянно не хватало. Мама работала целыми сутками с 6 утра до 6 вечера или с 6 вечера до 6 утра. Когда было холодно зимой, Вера с кошкой залезала на печку, чтобы погреться. Когда было теплее, она собирала ягоды и потом эти ягоды продавала. За эти деньги она купила себе туфли и пальто. Из-за нехватки денег красиво отмечать дни рождения было невозможно, но Вера обычно уезжала с ночевкой к тете Шуре в Свердловск, а тетя «баловала» племянницу мясом. У нее была скотина - корова и поросята - и тетя Шура «обязательно делала пельмешки».

Друзья и школа

В каждом переулке было по 5 домов, и Вера дружила со всеми соседскими детьми. К сожалению, из-за войны отношения с друзьями детства почти не сохранились. Вера Ивановна вспоминает, что когда ей исполнилось 18 лет, она уехала работать на фронт, а потом после войны переехала в Свердловск, она уже не встречалась с подружками, но с одной из них, которую звали Фея, Вера сохранила отношения на очень долгий период: они часто разговаривали по телефону, даже после эмиграции Веры.

Неполную среднюю школу в Сысерти построили, когда Вера была еще маленькой. Ей нравилось учиться; помимо всего прочего, там их кормили обедами. Закончив 7 классов школы, Вера поступила в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗО), которую закончила летом 1941 года.

Великая Отечественная война

С начала войны Вера начала работать на военном заводе №822 в отделе технического контроля (ОТК). Этот завод был

эвакуирован из Ленинграда в Сысерть. И там же служил двоюродный брат Сережа, сын тети Шуры. Он был начальником ОТК и имел звание офицера, но из-за язвы желудка, его не взяли на фронт, а направили работать в ОТК. Вера работала браковщицей, проверяла корпуса мин с помощью лампочки. Проработав в ОТК до сентября 1943, Вера попала на месяц в больницу, а после больницы уже не вернулась на завод. В детстве Вера болела желтухой, и это оставило след на ее здоровье, а поскольку на заводе их всех кормили баландой, у нее разболелся желудок.

В 1943, когда Вере исполнилось 18, ее мобилизовали. В конце 1943 ей пришла повестка как военнообязанной явиться на сборный пункт на следующий день. Веру направили на курсы шоферов, где она изучала двигатель ГАЗ 51. Она училась месяцев восемь, каждый день ходила в военкомат к 6:00 вечера, там 2 часа занималась и в девятом часу возвращалась домой. Они знали все об этом двигателе: «где бензин проходит, чтобы, если вдруг засорится, могли починить».

Вера вспоминает: «А потом повезли нас в блокадный Ленинград. Везли ночью, в теплушках, везде играла музыка, и мы танцевали... были остановки (для туалета), и везде были снежные суг-

робы. Вагоны были очень высоко от земли, и мне ребята помогали залезать обратно в вагон, потому что поезд не останавливался, а только замедлял ход, чтобы люди могли на ходу выскочить». В Ленинграде вновь прибывших расселили в общежитие недалеко от Александрово-Невской Лавры. Курсы продолжались и в Ленинграде. На них училось 150 девушек (автобат №29); курсы проходили в здании Химико-технологического института, закрытого на время блокады. За работу и службу они получали военный паек - 150 г хлеба и суп в столовой. Иногда их возили на концерты, которые устраивали танцевальные ансамбли. В батальоне должна была быть дисциплина, поэтому пить и гулять не разрешалось, а для этой концертной программы было выделено отдельное время: с 6 до 9 вечера. После окончания войны батальон собирались направить в Болгарию, чтобы восстанавливать страну, возить стройматериалы и т.д., но к концу войны все изменилось, и они никуда не поехали.

Вера вспоминает, что они уже 8 мая знали, что война закончилась, но объявили об этом только 9 мая. «Все утром рано встали, уже знали, что подписан договор. Встали все в 5 часов, вышли на улицу. Все обнимались и радовались». Вера демобилизовалась

7 ноября 1945 года. За службу во время войны она награждена медалью «За доблестный труд». День Победы Вера Ивановна свято отмечает каждый год.

Муж

Со своим мужем Мишей - Моисеем Зельмановичем Фридманом - Вера познакомилась в Сысерти еще до фронта.

Вера с мужем, 1947

Она какое-то время работала в столовой кухонным работником. Ее устроили туда после больницы, чтобы зарабатывать на еду и «подкармливаться». Мишу она несколько раз видела в столовой, когда убирала посуду. Вечером она ходила в военкомат на курсы шоферов, а Миша там нес дежурство. Однажды к Вере подошла женщина и сказала: «Вы очень нравитесь одному молодому человеку, он вас приглашает в кино». «Он был такой кудрявый, очень худенький. Он очень красивый был, но очень молодой», - вспоминает Вера. Ей было 18 лет, а ему 23.

Моисей Зельманович Фридман родился в Варшаве в 1920. Тогда его звали Монек. С 13 лет он начал работать, устроившись учеником портного в мастерскую своего дяди. Когда фашисты напали на Польшу, с потоком беженцев

Вера с мужем и сыновьями

Монек с братом оказались в России. Им дважды удалось избежать смерти, они побывали в ополчении на оккупированной территории на границе с СССР, потом завербовались на работу в шахте Губахи Пермской области. Здесь его стали называть Максимом, а какой-то комиссар в документах записал его Моисеем, и так Монек стал Моисеем, но Вера называла его Мишей.

Когда Веру направили на службу в Ленинград в 1943, они еще не были очень близки, но пока она служила в Ленинграде, а Миша служил в Могилеве и Сысерти, он ей писал письма. Так они поддерживали связь, пока оба не вернулись в Сысерть после войны. Вера сначала не хотела выходить замуж (памятуя мамин печальный опыт замужества), но потом подумала и решила, что Миша порядочный человек и согласилась вы-

Сыновья Веры

Вера с мужем

йти за него. Они прожили в счастливом браке 69 лет, пока Миша не скончался на 95-ом году жизни 31 октября 2014 года в США.

У Веры и Миши было два сына: Слава родился в 1947, Вова в 1955. Станислав стал врачом-эндокринологом, с отличием закончив мединститут. Его жена работала врачом-невропатологом. Сын хотел заниматься наукой, хорошо сдал вступительные экзамены в аспирантуру, имел публикации, но в аспирантуру с фамилией Фридман его не взяли. У Станислава были больные почки, и это было одной из причин эмиграции семьи. Ему пересадили почку в США, но, к сожалению, уже было поздно. Младший сын Владимир тоже с отличием закончил институт, и его жена тоже была врачом.

Профессиональная ЖИЗНЬ

После демобилизации Вера сначала работала секретарем в комсомольской организации в Сысерти, затем они с Мишей переехали в Свердловск. Вера пошла учиться на курсы по управлению местной промышленностью в учебно-курсовом комбинате, потом закончила бухгалтерские курсы в 1948, стала рабо-

Вера с мужем

Вера с мужем

тать помощником главного бухгалтера. Затем Вера пошла работать в банк. Со временем она получила должность экономиста в управлении этого банка. Наконец, Веру взяли в Управление местной промышленностью, где она планировала поставку товаров, собирала отчетность с предприятий города и составляла свои отчеты для статуправления.

После переезда в Свердловск Миша как-то пошел в парикмахерскую и там познакомился с человеком, который помог ему устроиться на работу в ателье. И Миша стал лучшим портным-закройщиком Свердловска.

Эмиграция

Вера Ивановна с мужем эмигрировали в США в 1993 году. Это были годы большой эмиграции из стран бывшего Советского Союза в основном из-за нестабильной экономической и политической ситуации в стране. Но еще раньше, в 1991 году, в Америку переехал их младший сын Владимир, а в 1995 году приехал старший сын с семьей. К несчастью, в течение последних трех лет у Веры Ивановны умерли оба сына и муж.

О счастье, о самом важном в жизни

Самым счастливым временем своей жизни Вера Ивановна считает годы жизни и работы в Свердловске. Здоровье (свое и близких) для нее самое важное в жизни. А совет, который она хочет дать молодому поколению:

«не разводиться!»

Вера Ивановна и Лиза, 2019

Израил Хаймович Сойбелис

Записала Елизавета Репина

Израил Хаймович Сойбелис родился 24 декабря 1931 г. в городе Бар¹ Винницкой области в Украине. С детства он остался круглым сиротой: папа умер в 1932, а мама в 1933. Он был единственным ребенком в семье. Сначала его взяла к себе мамина мама в Могилев-Подольский, но через несколько лет она тоже умерла, и тогда маленького Израила взяла к себе другая бабушка - папина мама - , которая жила в Баре. До войны он жил в доме бабушки с ее младшим сыном Мотлом (дядей Израила). В Баре также жили старший брат отца Мендел с женой и двумя детьми и другой брат Лейб. Мотл женился незадолго до войны, но его жена умерла во время родов вместе с ребенком. Лейб не был женат, он был летчиком и погиб во время войны. Мотл ушел на фронт с начала войны, а Мендел семьей, Израил и бабушка остались в Баре. Израил вспоми-

¹ В 1926 г. еврейское население насчитывало 5720 человек (55% населения).

нает: «Перестрелки были все время. Все прятались в погребах, потом выходили с надеждой, что обстрелы закончились, но с ужасом видели, что бои продолжаются».

16 июля 1941 г. Бар был захвачен немецкими войсками, и в городе сразу же было образовано гетто,² куда попали и Израил с родными. Вскоре в гетто начались ликвидации (погромы, как их называет Израил). Во время одного из таких погромов погибли Мендел, его жена и двое детей; они были расстреляны. Бабушка с Израилом избежали этой участи, потому что спрятались в дымоходе на чердаке. На расстрел отбирали людей, которые не могли трудиться, это 10-летний Израил понял практически сразу, и поэтому они с бабушкой работали изо всех сил. Бабушка пошла работать на табачный участок в бывшем колхозе «Дер идишер пойер» («Еврейский крестьянин»), а Израил работал возле молотилки, возил сено на лошадке, помогал по хозяйству. Примерно в октябре 1942 г., когда уже начало холодать, один из парнишек, работавших в этом хозяйстве, намекнул Израилу, что

² В Баре было организовано 3 гетто. В город также согнали евреев из Румынии, т.к. Бар вошел в состав Трансильвании, находившейся под контролем румынских властей, но в зоне немецкой военной администрации Винницкой области. Около пяти тысяч евреев были расстреляны немцами в августе – октябре 1942.

лучше не возвращаться в гетто, потому что готовится очередной погром. Израил заночевал со своей лошадкой в конюшне, и под утро слышал многочисленные выстрелы в направлении села Ивановцы. Утром в колхоз заявились шуцманы (Schutzpolizei) – охранная полиция из местных коллаборационистов – в поисках сбежавших евреев. Израил переживал, пока они уйдут, затаив дыхание и спрятавшись, как мог. При первой возможности он побежал прочь из колхоза. По дороге он натолкнулся на группу пастушков, которые сообщили ему, что гетто ликвидировали и что в городе не осталось ни одного еврея. Кроме того, он узнал, что везде развесили объявления о том, что за выдачу евреев дают большое вознаграждение. С пастушками он провел 5 дней, но решил бежать дальше, опасаясь, что местные жители могут выдать его немцам. Днем он прятался в полях сахарной свеклы, а ночью перешел (или переплыл) речку Ров (Рів). Во время переправы в него стреляли. Он слышал, как мимо головы пролетали пули, он нырял, потом опять всплывал и чудом остался в живых. Израил добрался до окраин станции Митки (примерно в 15 км от Бара), и там двое пожилых людей, догадавшись, что он бежит от немцев, сообщили, что на станции облава, и подсказали путь в село Поповцы (16 км), где оставалась какая-то

еврейская община.³ Израил добрался туда затемно, но приютить его местные побоялись. Один житель посоветовал ему идти в Жмеринку, где было гетто под управлением румын (30 км). В Жмеринском гетто сначала не хотели принимать Израила, но он заболел брюшным тифом, и его взяли. Когда он выздоровел, начальник гетто определил его в семью одного местного бездетного жителя по имени Давид Трейгер. При этом он напугал мальчика нагайкой, пригрозив, что если не будет слушаться, его будут пороть. Трейгеры относились к Израилу как к родному, а он был так напуган начальником гетто, что работал не покладая рук. Так Израил дожил до 1944 г., когда город освободили советские войска. Израил вспоминает освобождение Украины: «Люди ликовали, война еще продолжалась, но уже освободили территорию Украины. Мне даже говорить трудно, какое чувство это было». Он сразу же отправился домой по разрушенным дорогам, где все еще горело и где стояли разбитые советские и немецкие орудия. Ему было 13 лет.

³ Граница между рейхскомиссариатом Украины и румынской Транснистрией проходила как раз по южным районам Винницкой области, поэтому, перейдя через реку Ров, Израил оказался на территории, контролируемой румынами, где евреям было значительно менее опасно.

После войны

Вернувшись в Бар, он узнал, что дом его дяди Мотла уцелел (ул. Ленина 23) и что дядя Мотл жив. Израил нашел место расстрела узников гетто, где погибли его родные: «Это даже трудно описать. Было плохо очень...».

В 1945-ом году Мотл демобилизовался, вернулся в Бар и нашел Израила. Он женился во второй раз на женщине (Бася), у которой было трое дочерей. Израил был им четвертым ребенком. Мотл был Израилу отцом, и он даже называет его «мой отчим».

Израил, дядя Мотл и тетя Бася

В 1946 Израил поступил на работу в Барский райпромкомбинат и учился на портного, потом работал подмастерьем. Одновременно он пошел в 5 класс вечерней школы рабочей молодежи. В 1948 работал в артели «Победа» портным, потом работал художником в райпромкомбинате. У него рано обнаружился художественный талант; рисовать он начал еще в Жмеринском гетто на клочках бумаги. Он рисовал портреты своих родных. Кроме того, оказалось, что у Израила каллиграфический почерк, а это был ценный навык.

С 1951 по 1955 годы Израил служил в Красной Армии, был старшим писарем при части и секретарем комсомольской организации, а после увольнения из ар-

Израил на работе

Израил, около 1960

мии еще год проработал на военном складе кладовщиком. Еще в армии в 1954 Израил вступил в ряды КПСС. В 1956 он пошел работать браковщиком на машинный завод Винницкого совнархоза и одновременно в вечернюю школу, которую закончил в 1958. После окончания 10 класса он решил продолжить свое образование и поступил на заочное отделение факультета экономики Торгово-экономического института в Киеве и работал в книжном магазине, а также подрабатывал, ремонтируя одежду на заказ.

К сожалению, в это время умерла тетя Бася, и Мотл опять остался вдовцом, а также отчимом троих детей. Девочки сохранили теплые отношения с Мотлом и после смерти мамы.

Жена и семья

Во время очередного приезда в Киев на сессию Израил познакомился с Леей Фуксман. Лея родилась в 1923 году в г. Коростень, но в 1939 г. семья переехала в Киев. Летом 1941 она закончила школу, но началась война, и семья эвакуировалась в г. Чемкент (Шымкент) в Казахстане. Они попали в эвакуацию чудом, потому что дедушка не хотел уезжать, и только благодаря уговорам и хлопотам

сестер бабушки и самой бабушки семья тронулась с места. В Чемкенте Лея поступила в Ленинградский политехнический институт на силикатный факультет, который был эвакуирован в Казахстан. Вернувшись в Киев после его освобождения, она перевелась в Киевский политехнический.

Когда Израил поехал в Киев знакомиться с родителями Леи, с ним приехал его дядя Мотл, на тот момент уже вдовец. И так сложилась судьба, что во время этого знакомства состоялось еще одно важное знакомство – дяди Мотла с его третьей женой Соней (родственницей Леи). Когда в семье Израила и Леи родился дочка Эмилия в 1963, она была для Мотла и Сони как ребенок, своих

детей у них уже не было. После свадьбы летом 1960 года Израил переехал в Киев к жене, перевелся на вечернее отделение и пошел работать на завод. После окончания института он продолжил работать на заводе экономистом в отделе труда и зарплаты. Лея сменила несколько мест работы до тех пор, пока не получила должность в сметном отделе проектного института «Гипросельмаш» в Киеве.

Эмилия училась в Киевском педагогическом училище, затем в педагогическом институте и получила образование учителя младших классов. Она вышла замуж, у нее родилось двое детей: дочь Диана родилась в 1989 году в Киеве, а сын Михаил родился в США в 1992 году. Он закончил университет им. Брендайса и сейчас живет и работает в Сан-Франциско.

Израил с женой и дочкой

Художественное творчество

Израил рисовал и до сих пор рисует портреты родных, известных актеров, артистов, политических деятелей, автопортреты, натюрморты, пейзажи – воспоминания того, что он когда-то видел и запомнил. Он рисует карандашом, акварелью, пастелью, он также выполнял картины по дереву. В Украине при эмиграции пришлось оставить его картины маслом. Талант Израила

Автопортрет

вдохновляет; возможно, именно благодаря этому таланту, он смог пережить страшные годы войны и остаться сильным духом и очень добрым человеком.

Эмиграция

Думать об эмиграции Израил начал в 1976 г. Ему очень хотелось уехать в Израиль. Однако, его жена не хотела уезжать, боялась сказать об этом на работе, стеснялась, что подумают коллеги. Кроме того, ведь Израил состоял в партии, а Эмилия была в комсомоле. Когда Лея вышла на пенсию, она решила, что уже можно подавать документы на выезд, не стесняясь разговоров коллег. Чтобы получить разрешение на выезд, нужно было уйти из партии и комсомола. Израил сам подал заявление на выход из партии, затем его сняли с должности экономиста и перевели в малярный цех маляром. Для Эмилии процесс выхода из комсомола был очень болезненным. Все оформление документов шло очень медленно, на это ушел почти год, а в 1979 г. прием документов был остановлен. Таким образом, семья даже не успела подать на выезд, а жизнь уже была перестроена на отъезд. Эмилии пришлось возвращаться в школу, из комсомольской организации которой она с таким трудом вышла. Из-за

тяжелой работы маляром Израил заболел астмой, потом у него открылась язва желудка, потому что он очень много переживал. Время было трудное.

В 1989 году вновь начали разрешать выезд за границу, и в этот раз Эмилия, у которой уже родилась дочь, занялась оформлением документов сама. У ее мужа были родственники в Америке, которые выступили спонсорами. В 1991 году вся семья переехала в Бостон, США: Израил, Лея, Эмилия с мужем Ефимом и дочерью, родители мужа Эмилии и его брат.

Когда семья приехала в США, Израилу было 59 лет, он еще не мог получать пенсию и устроился работать в швейное ателье в Атриум-молл в Ньютоне, куда

Израил с семьей

Израил и Лея

он ходил пешком из Брайтона. Они также всей семьей ходили на курсы английского, который начали изучать еще до эмиграции: слушали аудио-записи, даже купили печатную машинку на английском, стали ходить на курсы печатания и перепечатывали тексты учебника.

В 1994 г. Мотл с женой Соней тоже переехали в Америку. Мотлу было уже 80 лет; их приезд был делом трудным, и Израилу пришлось ехать в Украину, несмотря на перенесенную операцию на бедро, чтобы восстанавливать документы.

Картина Израила

Самым трудным было получить справки, подтверждающие, что именно Мотл был его опекуном после войны.

В Америке Израилу нравится, что люди стараются трудиться. Кроме того, он ценит помощь и поддержку, которую оказывают пожилым и больным людям. Внуки Израила и в Америке говорят по-русски, и для него это очень важно, потому что без этого невозможно поддерживать общение, «общаться по-настоящему». Он сам любит читать на русском и смотрит русские телепередачи.

О жизни, семье и своих героях

Самые счастливые моменты в жизни для Израила - это знакомство с женой, работа и учеба. Он думает о работе как о благе.

«Нужно жить хорошо, понимать друг друга», - такой совет дает Израил своим детям и внукам. Семья Израила удивительно дружная, они всегда вместе, поддерживают друг друга. Израил и Лея вместе уже 59 лет, и их мудрость и трепетное отношение друг к другу трогают до глубины души. Израил переживает по поводу современной политической ситуации, напряжения в отношениях между странами. «Главное, чтобы не было войны», - говорит он. А его герои - это «врачи, которые лечат людей и делают их здоровыми; это самые большие герои».

Израил, Лея и Елизавета, 2019

Анна Ефимовна Перельман

Записала Роза О'Киф-Хоек

Анна Ефимовна родилась в Киеве в 1924-ом году. Ее отец, Хайм (Ефим Григорьевич) Перельман, умер, когда Анне было всего 13 лет, и она его плохо помнит, к сожалению. Он родился «где-то на Украине, в маленьком городке». Маму Анны при рождении звали Шифра Майстер, но по-русски ее звали Софья Филипповна. Она была одной из 10 детей в преуспевающей достаточно ассимилированной еврейской семье в Киеве. Отец Анны знал идиш, но мать не знала (или знала очень плохо), и дома они всегда говорили по-русски. Однако, Анна вспоминает, что когда родители хотели что-то скрыть от нее, мама пыталась говорить на идиш, и папа над ней всегда смеялся, потому что она коверкала слова. Анна вспоминает, что в городе тоже все говорили по-русски, так как Киев до революции был русским губернским городом, где жило много чиновников, где никто не говорил по-украински, а на идише говорила беднота, живущая на окраинах.

Еще до Первой мировой войны, в первое десятилетие XX века, Софья Филипповна вышла замуж за врача Лазаря Соломоновича Клячко. У них родился сын, Абрам. В 1914-ом году Софья с Абрамом поехала на курорт в Германию, но началась Первая мировая война, и их как подданных Российской империи интернировали в лагере. Из лагеря их вызволила сестра Софьи, которая жила в Швейцарии, и на несколько лет Софья с сыном остались в этой стране. В Киев Софья и Абрам вернулись где-то в 1918 году, когда уже шла Гражданская война.

Лазарь Клячко получил медицинское образование за границей, потому что, будучи евреем, не смог пройти по квоте в университет в Российской империи. С начала Первой мировой войны он работал военным врачом. Во время эпидемии тифа в Киеве в 1919-ом году он сам заразился от пациента, к которому его пригласили, и вскоре умер. В 1922 или 1923 году Софья Филипповна вышла замуж во второй раз. В этом браке и родилась Анна. Софья Филипповна не работала, была домохозяйкой и воспитывала детей, потеряв обоих мужей.

Семья жила в хорошем районе в Киеве, и Анна пошла в престижную школу, где учились дети киевской интеллигенции или членов правительства. Она

говорит, что в школе были очень хорошие учителя и что она получила прекрасное начальное образование. В школе она была не только отличницей, но и очень активным членом общества. Сначала она была октябренком, потом вступила в ряды пионеров. Именно потому, что она очень хорошо училась, ее назначали на «высокие» должности в пионерской организации. Например, она была старостой класса, что ей очень нравилось, потому что «главной задачей было выгонять детей из класса, чтобы проветрить помещение. И мы любили гонять друг друга и шалили невероятно». Анна помнит, что на Первое мая они вывешивали большой красный ковер на балкон, а на него прикрепляли фотографию ее дедушки, который был похож на Карла Маркса. Она также помнит, как весело отмечали Новый год, хотя в ее семье обычно не было елки, но елка была у соседей или знакомых, и детей всегда приглашали, а под елкой всегда были подарки.

Переезд в Ленинград

Когда Анне было 13 лет, умер ее отец, и они с мамой переехали в Ленинград, где уже жил ее брат Абрам. Он уехал в Ленинград к родственникам со стороны отца после школы, потому что хотел

жить отдельно, самостоятельно и, возможно, избежать влияние второго мужа мамы. У него было образование инженера-строителя, но он не работал строителем, а занимался организацией строительного процесса. Как говорит Анна, он был замечательным, добрым человеком, и заменял ей отца.

В Ленинграде Анна с мамой получили большую комнату в коммунальной квартире, в которой также жил брат Абрам, на улице Марата в самом центре города. Она говорит, что в комнате была прекрасная изразцовая печка и в квартире был проведен газ.

В Ленинграде Анне опять повезло со школой. Она училась в знаменитой школе № 209 (сейчас гимназия), в

Гимназия № 209

которой до революции располагался Павловский женский институт. Она продолжала хорошо учиться, вступила в комсомол и вела активную общественную жизнь. В школе ей нравились физика и литература. Физика ей нравилась, благодаря учителю, а литература «просто потому, что это литература». Она прочитала многое из русской классики и вообще всегда много читала.

Великая Отечественная война

Когда началась война, Анна Ефимовна лежала в больнице на обследовании: у нее опухали пальцы, и врачи подозревали какое-то неврологическое заболевание. Как только узнали о войне, Анну забрали из больницы. Многие жители Ленинграда были направлены на рытье окопов и траншей летом 1941-ого года, но Анну не взяли по состоянию здоровья. Тем не менее, она не осталась без дела: «мы все хотели помочь Родине, осаждали райком комсомола, чтобы получить какое-то поручение». Все парни из ее класса, которым уже было 18 лет, ушли на фронт, и большинство (если не все) из них погибли, защищая Ленинград. Парни помладше и девушки сначала помогали с эвакуацией детей из

Ленинграда, а потом работали помощниками санитарок в госпитале, который с самого начала войны организовали в их школе.

Анна вспоминает, что эвакуация детей была делом нелегким и вызвала много проблем, так как детей отправляли одних, без родителей, многие дети были очень маленькими, и всем было трудно расставаться. Эвакуация проходила поздно вечером, когда было темно и было меньше бомбежек. В городе уже тогда был установлен комендантский час, и после 8 часов вечера никто не мог выходить на улицу, но у Анны и ее товарищей были пропуска, по которым они пешком ходили от дома на улице Марата до Московского вокзала, где проходила эвакуация. Они испытывали чувство гордости, что хоть этим могли помогать, хоть и не могли сами пойти на фронт. Впоследствии оказалось, что эшелон с детьми подвергся бомбежке, и многие из детей погибли.

Вчерашние школьники помогали ухаживать за ранеными. Анна вспоминает, что с самого начала войны в школу начали поступать раненые (это был полевой госпиталь № 2015). По мере того, как фронт приближался к городу, и после того, как замкнулось кольцо блокады, ей пришлось увидеть и тяже-

лораненых. Особенно ей запомнился один молодой парень в самом начале войны, у которого были ампутированы обе ноги. Он страшно расстраивался, что не сможет больше танцевать с девушками. Ее поразило что, вместо того, чтобы радоваться, что он остался в живых и что не надо больше идти на фронт, он горевал о своем будущем.

В госпитале Анна и ее подруги делали любую работу, которая была нужна: мыли полы, поначалу развлекали раненых, кормили тех, кто не мог есть сам, писали письма за тех, у кого были ранены руки или глаза. Когда фронт приблизился к городу и начали поступать раненые прямо с поля боя, девушек просили раздевать их, чтобы дальше врач и медсестры могли заняться их ранениями. Это было нелегко, как вспоминает Анна: одежду, пропитанную кровью и потом, нелегко снять с человека, не причинив ему боли. Им приходилось разрезать одежду ножницами. Никто из девушек до этого не видел голого мужчину, это тоже было тяжело морально. Одной из подруг Анны мама запретила ходить в госпиталь именно из-за «голых мужчин», но Анна с друзьями «выкрали» подругу из квартиры, подставив лесенку к окну ее комнаты на первом этаже.

Блокада Ленинграда

Анна очень хорошо помнит бомбежки Ленинграда в первую блокадную осень: бомбежки были частые и страшные. Многие ленинградцы, включая брата Абрама, дежурили на крышах домов, сбрасывая фугаски. Все, способные держать в руках лопаты, тушили пламя, если фугаска попадала в дом. Анна признается, что «была трусихой и боялась дежурить на крыше».

Брат Абрам не был призван в армию, потому что у него до войны был заворот кишок и тяжелая операция, но продолжал работать на своем предприятии. Кроме того, он возглавлял охрану домов: проверял затемнение в квартирах, следил за чердаками, чтобы оттуда предатели не подавали сигналы немецким бомбардировщикам, обеспечивал дежурство на крышах.

После бомбежки

Отопление в домах и подача воды прекратилось с началом блокады. Топить изразцовую печь дровами было сложно, а отапливать большую комнату невыгодно. Софья Филипповна и Анна переехали в комнату Абрама, которая была значительно меньше, а значит, ее можно было легче нагреть. Брат мамы, тоже живший в Ленинграде, принес им маленькую печку-буржуйку, которую можно было топить щепочками и на которой они кипятили воду или разогревали то, что называлось супом. Тем не менее, Анна вспоминает, что все время было «страшно холодно», они спали с мамой рядом на одном матрасе в одежде, и набросив на себя все, что было: старые пальто, пледы и т.п. В большой комнате, где они раньше жили, пришлось устроить уборную: ведь воды не было, и системы жизнеобеспечения в городе не работали.

Конечно, Анна Ефимовна помнит блокадный голод. Они с мамой получали 125 граммов хлеба по карточкам; хлеб был смешан с соломой и до войны считался бы несъедобным. Брат по рабочей карточке получал больше, но не намного. Кроме хлеба, по карточкам еще можно было получать немного других продуктов, но отоварить эти карточки было невозможно. Благодаря брату, который как строитель был приписан к столовой

Блокадная норма хлеба

Дома архитекторов, вся семья могла получать порцию супа по не хлебным карточкам и, таким образом, получать хоть какое-то горячее питание. Анна ходила в эту столовую, свою порцию супа съедала там, а две приносила домой для мамы и брата. Все очень голодали, но, несмотря на это, дядя с тетей пытались помочь, чем могли. Тетя Анны успела запастись какими-то продуктами до начала блокады; пережив голод во время Гражданской войны, она знала, к чему готовиться в этой войне. Кроме того, тетя доставала на работе технический крахмал (на него клеили обои). Его разводили водой и на буржуйке делали лепешки. Анна ходила к тете с дядей раз в одну или две недели на «подкормку». Анна с благодарностью вспоминает заботу тети, которая делилась, чем могла.

Ходить к тете с дядей было далеко, даже по нынешним меркам, а истощенному человеку в холодную зиму под постоянной угрозой погибнуть в бомбежке этот путь был невероятно сложным. Анна вспоминает один случай из блокадной жизни, когда они вместе с дядей и тетей пошли на другую сторону Невы за «кем-то брошенными дровами». В зимнюю стужу истощенным людям было очень тяжело перетаскать бревна на «свой» берег, который представлял собой ледяную гору. Совершенно выбившись из сил, они все-таки дотащили 3 бревна до дома. Пока тетя с дядей поднимали одно из бревен в квартиру на третий этаж, Анна осталась сторожить оставшиеся дрова на улице. Очевидно, истощенным людям было очень тяжело нести бревно на третий этаж, они задержались, а Анне показалось, что прошла вечность, она замерзла почти до смерти и решила оставить свой пост на одну минуту, чтобы только пойти посмотреть, все ли в порядке с родными. За эту минуту кто-то забрал дрова. Кража дров, которые являлись гарантией жизни и достались ценой таких усилий, была страшной потерей. Совершенно подавленная Анна пришла домой с пустыми руками. Там ее ждали плохие новости: их сосед, учитель немецкого языка (с неприятной фамилией Геринг) умер от голода. Услышав эту новость, Анна расплакалась, но не

из-за смерти соседа, а из-за потери дров. Таким страшным стал блокадный мир, что смерть людей стала обычным делом, а потеря дров была настоящей катастрофой.

Несмотря на блокадное положение, отсутствие транспорта, голод и холод, школы продолжали обучение. Анна пошла в последний, 10-ый, класс школы осенью 1941-ого года уже в блокадном городе. Здание ее школы было занято под госпиталь, и учились они в каком-то другом здании. С ноября, в связи с эпическим голодом и холодом, занятия в школе прекратились, но возобновились весной, когда увеличился паек. Кроме того, в школе детям давали дополнительную порцию еды. Анна закончила школу в июне 1942-ого года с золотой медалью.

Выпускной класс, 1942

Дорога жизни

Эвакуация

К эвакуации из Ленинграда Анна с мамой начали готовиться в апреле, но смогли уехать только в сентябре. Они смогли уехать из блокады именно благодаря золотой медали Анны: она давала обладателю право на продолжение обучения, а значит, на выезд на Большую землю.

Их вывезли по Дороге жизни через Ладожское озеро. Сначала эвакуированных везли на машинах, потом они на поездах добрались до города Уфа. В эвакуации Анна поступила в Первый московский медицинский институт, который был эвакуирован из Москвы в 1941-ом году. Поскольку Анна закончила школу с золотой медалью, ее приняли без экзаменов.

Возвращение в Ленинград

В 1944-ом году, вскоре после снятия блокады, Анна и Софья Филипповна вернулись в Ленинград. Они нашли город в «ужасном состоянии»: многие здания лежали в руинах. Их квартира была занята другими людьми, а нового жилья вернувшимся не давали. Они на время поселились у дяди. К счастью, Абрам пережил блокаду, несмотря ни на что (в какой-то момент он был близок к смерти, заболев дистрофией, «блокадной болезнью»). После войны он продолжал работать в строительстве, помогал восстанавливать город. Вскоре после возвращения в город Софья Филипповна скончалась.

Профессиональная жизнь

Свое медицинское образование Анна закончила в Первом Ленинградском медицинском институте и в 1948-ом году получила диплом врача-лечебника, то есть врача широкого профиля. Анна Ефимовна всегда хотела заниматься наукой, но, закончив мединститут в 48-ом году, уже не смогла поступить в ординатуру, так как началась кампания по борьбе с космополитизмом.

Поскольку она сама болела туберкулезом, она могла заниматься только пульмонологией - таковы были правила в то время. Она начала работать в туберкулезном санатории далеко за городом, поскольку своего жилья в городе все равно не было. По сути, она одновременно и лечилась, и работала в этом санатории.

После того, как Анна вышла замуж и переехала в Ленинград, где у мужа была комната в большой коммунальной квартире, она некоторое время работала участковым фтизиатром на одной из рабочих окраин города. В 1950-ых годах, после амнистии, в город вернулось много бывших заключенных, большинство из которых болели туберкулезом, поэтому работы у Анны Ефимовны было очень много, и эта работа была тяжелой, но работа сферы фтизиатрии была налажена отменно и, несмотря на отсутствие антибиотиков в то время, приносила результаты.

В 1960-ых годах Анна Ефимовна начала заниматься исследованиями в лаборатории при Ленинградском НИИ туберкулеза, затем поступила в ординатуру, защитила диссертацию по иммунологии и получила степень кандидата наук. К тому времени она перестала практиковать, а полностью занялась наукой: им-

мунологией и биомедицинской информатикой.

В Ленинграде Анна прожила всю свою жизнь до эмиграции в США. В этом городе она познакомилась со своим мужем, в этом городе родилась ее дочка и внуки.

Муж и семья

Анна Ефимовна познакомилась со своим будущим мужем, Виктором Евсеевичем Эскиным, через своего брата - он был родственником Абрама. Мама продолжала дружить с семьей этих родственников, таким образом связь между семьями не прервалась. У Виктора нашли небольшие очаги туберкулеза и отправили его на лечение в тот санаторий, где работала Анна. Его родственники посоветовали ему поговорить с Анной, чтобы лучше подготовиться к санаторию: какую одежду с собой взять, брать ли с собой продукты и т.п. Анна как раз тогда была в отпуске в Ленинграде и жила у дяди. Так они и познакомились, когда Виктор пришел за советом. Сначала он ей не понравился, и она отнеслась скептически к его готовности рассказывать всем в санатории, что у него есть родственница среди врачей. Анна посчитала, что он таким

Анна с мужем

образом ждал каких-то побряжек для себя, и она сурово повела себя с ним. Но все изменилось со временем.

Виктор Евсеевич родился на Азовском море, на юге Украины, в Бердянске. Его мать ушла от мужа, забрав детей (у Виктора были старшие братья) и переехала в Ленинград. Когда Виктору было 10 лет, мама умерла. Среднего брата, Мишу, арестовали в 1936 году и отправили в лагерь, он был освобожден в 1941 году. Старший брат Виктора, Евсей, был выслан из Ленинграда еще в 20-ые годы как троцкист. О дальнейшей его судьбе

никто не знал. Только недавно Марина, дочь Анны, узнала, что он был повторно арестован и расстрелян в 1937 году. Виктор был младшим в семье. Ему грозила судьба члена семьи врага народа, но, тем не менее, он закончил школу и университет, будучи сиротой, а потом началась война, и все его «грехи» подзабылись.

Виктор Евсеевич ушел добровольцем на фронт в первые дни войны сразу после окончания физического факультета Ленинградского университета. Он прошел всю войну в танковых войсках и закончил свой боевой путь в Берлине. Туберкулезом он заболел после войны, ему дали 3-ю степень инвалидности. После войны Виктор Евсеевич вернулся к занятиям наукой, преподавал физику, стал доктором наук.

У Анны Ефимовны и Виктора Евсеевича одна дочь, Марина. Она окончила физический факультет Ленинградского университета и работала физиком до эмиграции. Ее муж тоже физик. В США Марина оставила свою карьеру физика и работала много лет в библиотеке юридического института Гарвардского университета (Harvard Law School Library). При этом всю жизнь Марина пишет стихи и много печатается. Ее дети, внуки Анны Ефимовны, тоже получили пре-

красное образование. У Ильи степень PhD по нейробиологии, он сейчас работает физиотерапевтом, а Влад (Владимир) по образованию искусствовед, но работает в области информатики, разрабатывая программное обеспечение для библиотек всего мира.

Эмиграция

Анна Ефимовна хотела уехать еще в 1970-ых годах, потому что никогда не была «в восторге» от советской власти, но не уехала, а новая возможность эмигрировать появилась значительно позже. В 1990-ом году Анна Ефимовна вместе с мужем, дочерью Мариной и ее семьей (мужем Сергеем и детьми) уехали из Советского Союза. На вопрос «почему уехали?» Анна отвечает: «чтобы мои внуки жили в свободной стране».

Анна Ефимовна и Роза, 2019

Юрий и Надежда Штальманы

Записала Елизавета Репина

Юрий Григорьевич родился 19 января 1930 г. в большой семье в городе Славута, Хмельницкой области в Украине, в то время находившемся на границе с Польшей. У родителей было шестеро детей. Семья жила в хорошем доме, который они называли «склепом» - это был дом со сводчатым потолком и толстыми стенами метровой толщины. «Мы с братиками играли на подоконнике. Нам хватало одного метра, чтобы сесть и играть в шахматы», - вспоминает Юрий. Мать Юрия была из обеспеченной семьи, и ее родители купили часть этого многоквартирного дома. «Двери были толщиной 15 сантиметров, ключ был огромный.... Это была крепость, можно сказать». Отец Юрия работал на лесопильном заводе, а после войны - продавцом в магазине в Славуте.

В семье ценили образование. Самый старший брат Юрия до войны закончил школу с отличием и получил право поступления в

любой вуз Советского Союза и на получение стипендии. Он учился в Ленинградском институте точной механики и оптики и до войны закончил 2 курса. Второй брат, Ейне, поступил в институт в Сталинграде, но вскоре вышло постановление, что стипендия студентам вузов полагалась только в том случае, если у них не было троек, и Ейне лишился стипендии. Родители не могли ему помогать материально, и он решил на время бросить вуз и поработать, пока старший брат не получит диплом. Тогда старший брат помогал бы Ейне, если бы это было нужно. Ейне сказал старшему брату: «Ты учись, а я пока поработаю и буду поддерживать тебя. А потом ты будешь помогать мне, если я лишусь стипендии». Он вернулся в Славуту до войны.

Великая Отечественная война

Еще до начала войны в Славуту из Польши бежали евреи. От них жители города узнали, что евреев немцы заключают в концлагеря. Когда началась война, семья Юрия приняла решение немедленно уезжать. Юрий был прилежным учеником и в эвакуацию взял с собой портфель с похвальными грамотами за все предыдущие классы и свои

«драгоценности»: тюбик клея, чернильницу и другие школьные принадлежности. Конечно, по дороге все это потом пришлось бросить. В день их предполагаемого отъезда неожиданно началась бомбардировка, и дети, взявшись за руки, вместе с родителями пошли пешком прочь из города. Юрий, которому было 11 лет, помнит, что пока они шли, кругом разрывались бомбы. В Славуте был пограничный гарнизон, очевидно, немецкие войска целились в него, а также в центральные улицы города, на одной из которых жила семья Юрия. Под обстрелом семья добралась до села Ташки, где родился отец Юрия. Там их приняла одна семья, их покормили молоком с хлебом и предупредили, что немцы уже на подступах к Славуте. Семье дали немного продуктов в дорогу, отец поблагодарил знакомых, и они пешком отправились в город Шепетовка в 18-20 км, который являлся большим железнодорожным узлом, в надежде сесть на поезд, идущий на восток. По дорогам идти было опасно, и беженцы шли лесом, но лес тоже бомбили. Юрий вспоминает: «Когда бомбили, все лежали, и все неверующие молили Бога, чтобы уцелеть». Когда семья наконец добралась до Шепетовки, отходил последний эшелон, станция была забита людьми. Люди садились на первый попавшийся транспорт, в любые вагоны. Они взобрались на открытую

платформу и поехали вглубь страны. Никто не знал, куда именно едет поезд, но главное было ехать на восток.

В Запорожье семья вынуждена была высадиться, потому что брат Юрия, Ейне, отстал от поезда. На одной из станций он выскочил купить газету, чтобы узнать новости. Киоск был совсем рядом с поездом, брат купил газету и зачитался. Тем временем паровоз перецепили, так как впереди разбомбили дорогу, и состав поехал совсем в другую сторону. Брат погнался за поездом, но не догнал. Тогда семья решила доехать до первого крупного узла – Запорожья и ждать там Ейне. Отец с матерью расспрашивали о сыне во всех проезжающих поездах, обошли всю станцию в поисках сына. Его нашли по счастливой случайности: кто-то им сказал, что в одном из вагонов спит юноша, и это оказался Ейне! Семье пришлось ненадолго осесть в Запорожье. Вскоре немецкие войска стали подходить и к Запорожью. Ейне мобилизовали и он ушел на фронт, а отца Юрия взяли в трудовую армию. Мать Юрия с четырьмя маленькими детьми поехала дальше вглубь страны. Они доехали до г. Алматы в Казахской ССР. Их направили в колхоз Талды-Курган Алматинской области. Все члены семьи, кто мог работать, трудились. Они заработали тыся-

чи трудодней, однако не получили оплаты за труд, поскольку все деньги шли на нужды фронта. Брат Юрия, которому было 15 лет и который до войны успел выучиться на тракториста, получал немного зерна за трудодни. Благодаря этому, семья продержалась, но все-таки они голодали.

Отец Юрия оказался в Караганде, где он работал на трудовом фронте. Мама с детьми поехала к отцу, и по дороге сестренка Юрия, единственная девочка в семье, заболела тифом. Им пришлось сойти с поезда, и мать легла с дочкой в больницу в Новосибирске. Она оставила сыновьям – Юрию и его брату - все вещи и кое-какие продукты. Две недели Юрий с братом прожили на вокзале в Новосибирске. К несчастью, сестренка умерла, а семья в меньшем составе приехала в Караганду.

В 1943 г. Юрию исполнилось 13 лет, и он пошел работать в мастерские на шахте «Федоровский пласт», где добывался уголь открытым способом. К тому времени немцы уже захватили угольные шахты в европейской части СССР, поэтому очень большое значение придавали шахтам в Казахстане. Они должны были работать бесперебойно, а это значило, что ремонт оборудования был очень важным делом. Совсем юным Юрий

начал работать на токарном станке, став учеником токаря, но подмастерьем он был недолго. Через неделю забрали в армию токаря, ему сказали: «Юра, давай!» Он вспоминает: «А я тогда не доставал еще до рычажков. Я взял две подставки под ноги и начал работать на большом станке. Через неделю в ремонт попадает экскаватор «Бисайрус» (Biscurus), который использовали в то время на шахтах для наполнения вагонов углем. И я должен был обработать главный якорь... Это было непросто... всю ночь я работал с этим якорем, за мной наблюдало начальство. В итоге к утру экскаватор снова заработал. Была война, никто не считался с силами и со временем». В мастерской, кроме Юрия, работали, в основном, женщины и несколько мужчин-инвалидов. Несмотря на тяжелый график работы, Юрий продолжал учиться и закончил 7 классов в эвакуации.

У Юрия на войне погибли два брата, сестра умерла на руках у матери, и умерла сама мать. Старшего брата мобилизовали в 1941. Он погиб, защищая Ленинград, и семья Юрия так и не узнала, где он похоронен. Второй брат, Ейне, которого призвали в Запорожье, погиб под Сталинградом.

После войны

В Слауту из семьи вернулось только трое человек: отец, Юрий и его младший брат. «Когда мы вернулись весной 1946, там было пепелище. На первых порах арендовали комнатку, отец пошел работать, жили бедно».

В эвакуации Юрий закончил семилетку, а в Слауте пошел уже в девятый класс вместе со сверстниками. За лето до начала учебного года он «успел проштудировать математику» за 8-ой класс. Закончив десять классов, Юрий поступил в Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта в Москве. Он учился по специальности инженер-механик. Так как с 13 лет он освоил токарное дело, ему было очень интересно учиться по этому профилю.

В 1953 г. Юрий закончил институт, получив хорошую инженерную подготовку. Во время учебы он подрабатывал, разгружая вагоны: «это была очень тяжелая работа». Он вспоминает также, что студенты «обязательно участвовали в физкультурных парадах на Красной площади на всех праздниках».

Наумда Исааковна Шцальман

Наумда Исааковна родилась 20 января 1931 г. в городе Славута Хмельницкой области в Украине. Мама Наумды была сиротой и хотела, чтобы у ее детей было счастливое детство и жизнь. Родители жили очень скромно, отец работал

на лесопромышленном предприятии, а мать воспитывала детей. Кроме Наумды, в семье еще были старшие брат и сестра. Наумда говорит, что они жили на «короткой» улице, и все жители этой улицы были дружны: все ходили друг к другу в гости «запросто», потому что были всегда желанными. У детей было очень счастливое детство. В детстве Наумда мечтала заниматься музыкой, и ее мама хотела отдать ее на класс фортепьяно, но это осталось «несбывшейся мечтой... началась война, и дальше мы уже мечтали о хлебе...».

Великая Отечественная война

«Для меня детство закончилось 22 июня 1941 года». Отца Наумды не отпускали с работы, и семья не сразу могла уехать в эвакуацию. Однако благодаря друзьям отца, которые приехали за ним, и тому, что за отцом были закреплены рабочие лошадь и бричка, семья все-таки смогла уехать перед самым приходом немцев. Милиции уже не было в городе, и оставаться было крайне опасно. Семья Наумды бежала в лес в ночь на 3 или 4 июля 1941 г., как и семья Юрия: «Это уже был предел... немцы наступали нам

на пятки. Мы бежали. Линия фронта была совсем рядом, в нас стреляли с самолетов». Беженцев бомбили, они падали на землю: «Нас бомбили уже в первые дни войны. Потом по дороге были обстрелы. Мы проезжали Бердичев, Белую Церковь... Однажды, только наш обоз двинулся, как упала пятиэтажная стена. Просто чудом мы все спаслись. Выехали дальше, опять была бомбежка. В то время был необыкновенный урожай ржи, и мы, дети, прятались во ржи, и вдруг видим, падает бомба рядом с нами. А родители уже встали, искали нас, мы испугались, но бомба не разорвалась».

Семья Надежды доехала на бричке до станции Ракитное, где они сели на эвакуационный поезд. Все ехали на открытых площадках, на которых раньше возили уголь. Поезд останавливался на каждой станции, объявляли, что он будет стоять 15-20 минут, но часто поезд уходил раньше. Как и в семье Юрия, в семье Надежды был случай, когда они почти потеряли друг друга в эвакуации: «Мы сошли на одной из станций, папа взял нас с сестрой и братом покушать, мама осталась в вагоне. И вдруг мы видим – поезд отходит. К счастью, мой старший брат догнал последний вагон, а мы с папой остались на станции. Папа пошел к начальнику станции и потре-

бовал соединить его с семьей. Тот сказал, что поезд остановится на следующей станции, и он радирует, чтобы поезд дождал семью. И действительно, нас довели до станции, и мы воссоединились».

Надежда вспоминает трудный путь на восток: «Ехали мы где-то около двух месяцев: ни искупаться, ни поесть, вещей никаких не было, все осталось дома. Мы не знали, куда мы ехали. У брата был приступ аппендицита... Наконец, нас довели до Казахстана и выгрузили в каком-то ауле. Мы зашли в мазанку, там все мазаное глиной, топили по-черному... папа пешком пошел в Талды-Курган. Там он нашел заезжий двор, куда приезжали командированные строители и начальство свинцово-цинкового комбината. Это были высокообразованные, интеллигентные люди. Хозяйка дома, Наталья Родионовна, обогрела, накормила нашу семью. Вся семья наша ее до сих пор помнит. Мою сестру Соню родители отдали в школу медсестер. Мы не сообразили, были неподготовленные к этому, ведь школа медсестер – это сразу на фронт. Через месяц я заболела скарлатиной, неделю или больше я жила у Натальи Родионовны, потому что невозможно было меня перевезти. Я вспоминаю этот период с приятными чувствами: люди такие теплые, интеллигентные, я маленькая, мне десять лет, мне было с

ними интересно, они меня жалели».

Отец Надежды во время войны занимался эвакуацией заводов: вывозил оборудование, часто уезжал на два-три месяца по работе. Сестра училась в медицинском институте. «Мы с мамой жили в огромном бараке: подъезд, комната и комната, в каждой – по две семьи. Все горе, не только наше семейное, мы переживали все вместе. Мы с мамой обрабатывали огород, я была первой помощницей мамы, а мне было 10 лет». Старший брат Надежды ушел добровольцем на фронт и погиб в возрасте девятнадцати лет.

Юрий и Надежда

Юрий и Надежда родились в одном городе и в эвакуации жили практически по соседству, но познакомились они после эвакуации, когда вернулись домой и учились вместе в одной школе. Вместе они закончили 10 классов школы и поступили в институты в разных частях страны. Юрий уехал в Москву, а Надежда училась в Киевском технологическом институте на инженерно-экономическом факультете. Они оба усердно учились, у них была повышенная стипендия. У Юрия дважды в год был бесплатный проезд во время каникул к

родителям. Они оба получили красные дипломы, закончив институты в 1953 году, и начали работать.

Юрий и Надежда встретились вновь, когда Надежда была в командировке в Москве, а Юрий был там же в отпуске. В Москве они и поженились в 1955 году. В 1956 году в семье родился сын Михаил в Киеве, а в 1965 году родилась дочь Алла в Воронеже. Семья поселилась в Воронеже, дети росли послушными, Надежда и Юрий много работали. Дети учились в Воронеже. У Аллы трое детей, сын Рон родился в 1992 году, дочь Лилия, и младшая дочь в 11 классе. У Сергея одна дочь, Мария, она живет в России.

Юрий и Надежда

Профессиональная жизнь

Юрий после института получил назначение в Воронеж, на Воронежский тепловозоремонтный завод имени Ф.Э. Дзержинского: «Это был крупный завод, более пяти тысяч работников. И там я сделал карьеру: сначала работал мастером, старшим мастером, затем инженером-технологом и заместителем главно-го инженера. Завод был пролетарский, имел старинные традиции, всегда открывал демонстрации. Работники были очень преданы Советскому Союзу. В 30-е годы всех инженеров и весь технический персонал «повырезали». Сначала, когда я только приехал на завод, к нам очень настороженно отнеслись. Но так как еще в Караганде я освоил токарное дело, получил подготовку в московском вузе, сумел проявить себя в работе, ко мне стали относиться с большим уважением. Трудным в профессии было то, что нужно было принимать очень ответственные решения».

Надежда вспоминает: «После института в мою жизнь вмешалась история: 1953 год - дело врачей. Собирались эшелонами посылать евреев в Сибирь и на Дальний Восток». Надежда попала по распределению в город Троицк на Урале,

где проработала два года экономистом, начальником отдела на кожевенно-фурнитурном комбинате. После того, как Надежда и Юрий поженились, Надежда переехала в Воронеж.

Эмиграция

Юрий и Надежда с дочерью Аллой эмигрировали в Израиль в город Хайфа в 1990 году. «Мы были добросовестными гражданами Советского Союза, много сделали для страны в войну, были почетными гражданами, у нас были хорошие должности, к нам относились очень уважительно. В СССР все было нормально, но разгорелся антисемитизм. Мы смотрели на общее положение в стране: что будущее сулит нашим детям и внукам. Америка – тоже не еврейская страна, поэтому мы выбрали Израиль». На работе Юрия проводили с почетом, даже выделили машину для проводов.

«Мы переехали со смешанными чувствами. Это не так просто: все нажитое пришлось оставить, потому что в то время разрешали брать только ограниченный груз», - делится Юрий. Надежда вспоминает: «Целый год у меня было такое состояние, как будто это не со мной... страна очень красивая... Вы будете смеяться, но мне снилось, когда

мы еще не думали ехать в Израиль, что мы летим на самолете и смотрим на Израиль, его растительность, пальмы... Вот такое у меня было сновидение». Юрий представлял себе реальность и знал, что «ждут тяжелые времена», он рассказывает: «Мы летели, кругом потемки. Вдруг внизу появилось море огней, и мы идем на посадку. Выходим из самолета, а нас встречают песнями и цветами. Люди помогали нам. Это был пиковый месяц, когда была самая большая миграция в Израиль».

Юрий и Надежда

Юрий довольно быстро выучил иврит, и семье стало легче жить, у них появились друзья. Юрий освоил ремонт очков, стал ремонтировать и продавать очки, Надежда уже не работала. Однако жизнь в Израиле была очень беспокойной и нелегкой: «Трижды мы подвергались бомбардировкам, нас обстреливали из Газы, были воздушные налеты, бомбили. Однажды даже упал снаряд из Газы, разорвался, осколок влетел в окно нашего дома с одной стороны и вылетел с другой. К счастью, он пролетел через коридор... Тем не менее, мы не хотели покидать Израиль, потому что мы чувствовали себя там как в родной стране, там было много выходцев из России, у нас были общие трудности и общие радости». «Во время Ливанской войны в 2007 г. в нашем дворе упал снаряд и не разорвался. Мы пережили три войны или даже четыре на своем веку», - с тяжестью говорит Юрий.

Дети Юрия и Надежды переехали в г. Уэстборо, штат Массачусетс в 1997 году. Они очень хотели, чтобы родители переехали к ним: «Дочь Алла красочно описывала Америку, красивую осень, она была счастлива». Юрий и Надежда приехали в США в 2007 году по вызову дочери Аллы. Их первые впечатления об Америке были такими: изобилие, теплые человеческие отношения, добро-

Юрий и Надежда

желательность, уважение к пожилым людям. Но есть в Америке и то, что им не нравится: расточительность, не у всех воспитывается благородная привычка к труду, «заниматься домашними делами не очень в моде».

О счастье, о поисках в жизни

Самые счастливые моменты в жизни для Юрия и Надежды - это рождение детей. Но счастливых моментов было много: то, что закончили вуз, что получили желаемое назначение на работу, что на работе ценили...

«В жизни мы искали хороших товарищей, друзей, благоустроенную жизнь, и, конечно, желали сделать хорошую служебную карьеру – как обычные люди».

Юрий, Надежда и Елизавета, 2019

Ссылки:

Гимназия № 209: <https://babs71.livejournal.com/247481.html>

После бомбежки:

<https://libpstu.wordpress.com/2015/01/27/%D1%81%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D1%8B-%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B0-2/>

Блокадная норма хлеба: <http://letsgo-blog.ru/spb/museum-of-bread/>

Дорога жизни: <https://moika78.ru/news/2018-11-22/53339-kak-doroga-zhizni-spasla-leningrad/>

For more information about the Oral Histories Project, please visit
<http://www.brandeis.edu/departments/grall/russian>
or contact us at grall@brandeis.edu

Hebrew
Rehabilitation Center
Hebrew SeniorLife

HARVARD MEDICAL SCHOOL
AFFILIATE

Brandeis University